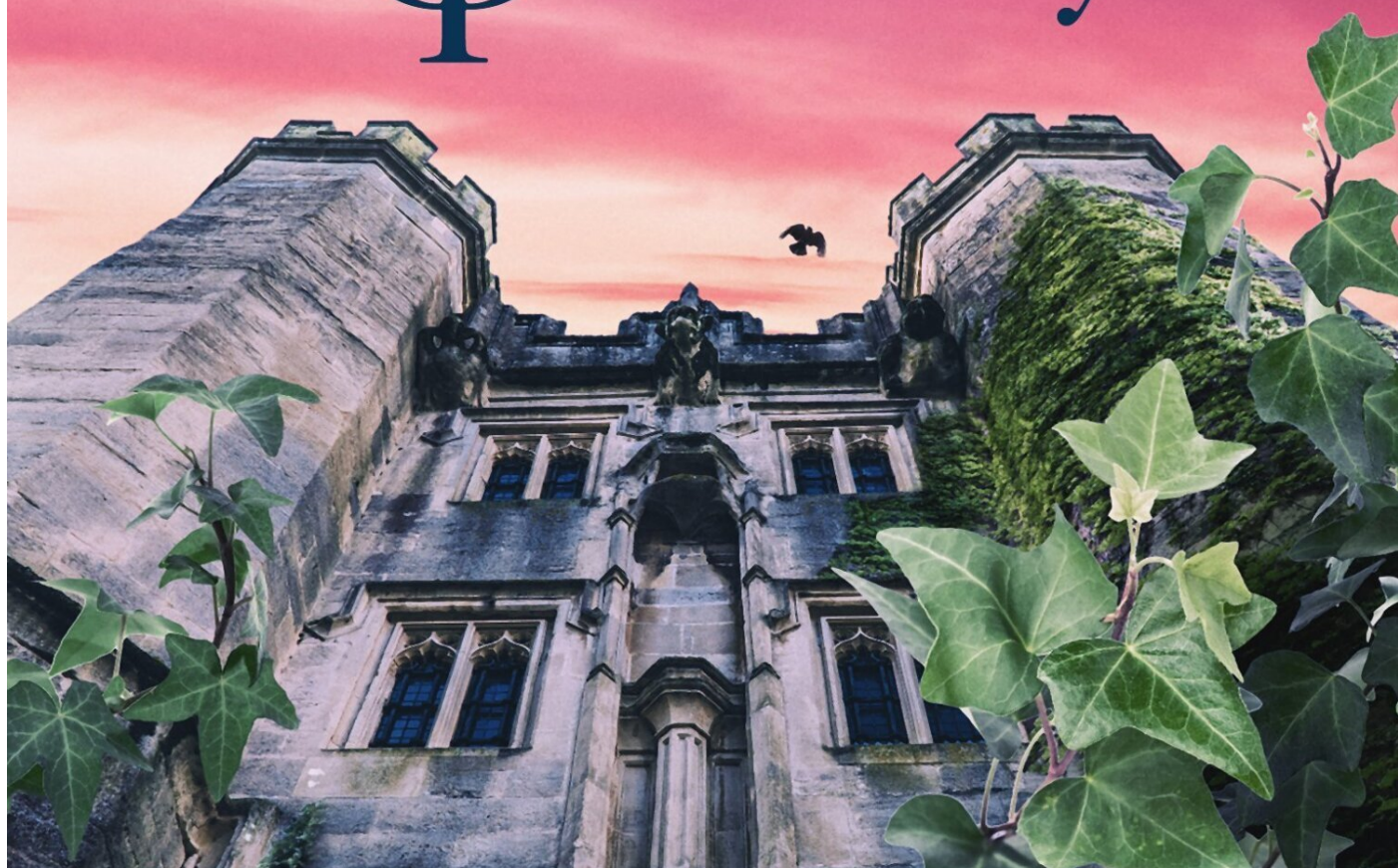

INSPIRIA

Люсинда
Райли
Убийства
во Флит-хаусе

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Убийства во Флит-хаусе

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Убийства во Флит-хаусе / Л. Райли — «Эксмо», 2022 — (Novel.
Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-197102-1

ОТ АВТОРА ЦИКЛА «СЕМЬ СЕСТЕР». В мире продано более 20 000 000 книг Люсинды Райли. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ УБИЙСТВО? В престижной частной школе в Норфолке найден мертвым ученик Чарли Кавендиш. На первый взгляд его смерть кажется случайной — результат эпилептического припадка. Но затем выясняется, что таблетки, которые мальчик принимал для борьбы с эпилепсией, были заменены лекарством, вызвавшим у него смертельную аллергию. Вскоре в стенах Флит-хауса находят еще одно тело. И за дело берется полиция, ведь теперь эти события — не трагическая случайность, а череда убийств. «Люсинда Райли мастерски управляет поворотами сюжета». — The Independent «Остросюжетный роман от Люсинды Райли может стать сюрпризом для преданного читателя. Но спешу вас заверить, история удалась. Она захватила меня с первых страниц: невероятные герои, тайны и запутанное расследование — идеальное сочетание в блестящем исполнении автора». — Кира Захарова, редактор

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-197102-1

© Райли Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	27
Глава пятая	32
Глава шестая	38
Глава седьмая	46
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Люсинда Райли

Убийства во Флит-Хаусе

*Этот роман посвящен всем тем, кто мечтает. Никогда не сдавайтесь и не складывайте оружия – поступайте, как Люсинда.
Семья Люсинды*

Lucinda Riley
The Murders at Fleet House

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lucinda Riley, 2022

© Борисова Т., перевод на русский язык, 2024

© Клигман И., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие

Дорогой читатель,

Надеюсь, вы волнуетесь не меньше меня, беря в руки новый роман Люсинды Райли. Возможно, вы поклонник серии «Семь сестер» и с нетерпением ждете, что Люсинда перенесет вас в неизведанный и живой мир. А может быть, вы впервые знакомитесь с ее творчеством, заинтригованные обещанием этого только что появившегося и захватывающего детективного романа. В таком случае, к огромному сожалению, я должен начать с конца, чтобы пояснить, откуда взялись страницы, которые вы собираетесь вот-вот поглотить. Для тех, кто не осведомлен: Люсинда – мама – умерла 11 июня 2021 года вследствие рака пищевода, обнаруженного в 2017 году. Я – старший сын Люсинды и соавтор (спешу добавить, не по этой работе). Вместе мы написали серию для детей «Ангелы-хранители», и я занимаюсь реализацией ее обширного литературного наследия, завершив восьмой – и последний – роман из серии «Семь сестер».

По этой причине я хотел бы рассказать вам, как возник роман «Убийства во Флит-Хаусе». Во-первых, хотя он никогда не видел свет, написан он был в 2006 году. Когда ее младшие дети пошли в школу, Люсинда написала «в стол» три романа, два из которых впоследствии были изданы и получили восторженные отзывы: «Старая олива» (другое название: «Секрет Хелены») и «Комната бабочек». Она планировала опубликовать и третий, который вы держите в руках, после завершения серии «Семь сестер».

В изначальные версии «Старой оливы» и «Комнаты бабочек» Люсинда внесла значительные изменения (как любой писатель, возвращающийся к тексту после десятилетнего перерыва). В случае с «Убийствами во Флит-Хаусе» у мамы такой возможности не было. Вот почему я столкнулся с дилеммой, когда принял решение опубликовать эту книгу. Должен ли я отредактировать, обработать и дополнить текст, как сделала бы она? После долгих размышлений я решил, что сохранить мамин голос важнее. По этой причине работа редактора свелась к абсолютному минимуму.

Поэтому то, что вы прочитаете, – текст Люсинды от 2006 года.

Мама страшно гордилась этой работой. Это единственный написанный ею детектив, но верные читатели сразу узнают ее непревзойденное умение ухватить дух местности. Уверен, вам будет интересно знать, что во время работы над этой книгой наша семья жила в болотистом, таинственном краю, где и происходит действие. Более того, норфолкская школа, описанная в книге, была во многом списана с той, где учились мы, ее дети. К счастью, я могу подтвердить, что ничего столь драматичного в коридорах наших общежитий не происходило.

Вы, вероятно, догадались, что секреты из прошлого сильно влияют на современные события и в этом романе. Нам предложен как всегда великолепный образ детектива-инспектора Джаз Хантер, которая, безусловно, обладает потенциалом стать центральным персонажем собственной серии.

Возможно, она и стала бы – в другой жизни.

Гарри Уиттекер

2021

Пролог

Школа Святого Стефана Норфолк

Январь 2005 года

По лестнице, ведущей к коридору старшекласников – скоплению комнатух размер с обувную коробку, по одной на мальчика, – поднимался человек. Стояла тишина, лишь булькали да потрескивали допотопные батареи; эти немощные чугунные стражи вот уже пятьдесят лет силились обогреть Флит-Хаус и его жильцов.

Самое старое и почтенное из восьми общежитий школы Святого Стефана носило имя директора, для которого строилось сто пятьдесят лет назад. После войны уродливое викторианское здание из красного кирпича, известное среди нынешних обитателей как Дыра, отдали под размещение учеников.

Из всех общежитий Флит-Хаус был последним, которому предстоял долгожданный ремонт. За следующие шесть месяцев полы в коридорах, спальнях и комнатах отдыха освободят от драного черного линолеума, пожелтевшие стены оклеят новыми обоями и освежат бледно-кремовой краской, а древние душевые оборудуют блестящей фурнитурой из нержавеющей стали и выложат белой глянцевой плиткой. Это должно успокоить современных взыскательных родителей, требующих для своих детей гостиничного комфорта вместо жизни в развалюхе.

Перед дверью в комнату номер семь человек замер, прислушался. Сегодня пятница, и восемь живущих на этаже мальчиков наверняка отправились в соседний городок Фолтсхэм – в паб, – но не мешает удостовериться. Ничего не услышав, человек повернул ручку и вошел.

Тихонько прикрыл дверь, зажег свет – и сразу ощутил затхлый подростковый душок: характерную смесь нестираных носков, пота и бушующих гормонов, которая за многие годы пропитала каждый уголок Флит-Хауса.

Запах оживил мучительные воспоминания, человек вздрогнул, едва не споткнулся о грудку нижнего белья, небрежно сваленного на полу. Взял с тумбочки две белые таблетки – их клали сюда каждый вечер, – заменил двумя такими же. Выключил свет и покинул комнату.

* * *

При звуке шагов маленькая фигурка на соседней лестнице окаменела. Одетый в пижаму мальчик в панике кинулся к нижнему пролету, нырнул в нишу под ступенями, слился с тенями. Если в десять часов его застанут не в кровати, то накажут, а он сегодня больше не выдержит.

Мальчик неподвижно стоял в темноте, сердце выскакивало из груди. Он крепко зажмурился, словно это могло помочь, и слушал, затаив дыхание. Шаги поднялись по лестнице в нескольких дюймах над головой, миновали его и – о счастье! – удалились. Дрожа от облегчения, мальчик выбрался из укрытия и поспешил к своей спальне. Лег в кровать, проверил по будильнику время – еще целый час до того, как можно будет погрузиться в безопасный, благословенный сон. Накрылся с головой одеялом и наконец дал волю слезам.

* * *

Примерно часом позже в комнату номер семь вошел Чарли Кавендиш и повалился на кровать.

Ему восемнадцать лет, сейчас одиннадцать часов вечера, пятница, а он заперт, словно ребенок, в паршивой кроличьей норе!

Да еще завтра к семи утра надо явиться в часовню, чтоб ее. В этом семестре Чарли пропускал службу дважды и больше не мог себе такого позволить. Его уже таскали в кабинет к Джонсу из-за дурацкого случая с Милларом. Джонс возмущался, грозил отчислить Чарли, если тот не образумится, а Чарли раздражала необходимость быть паинькой. Отец выразился предельно ясно: без высоких оценок в таблице и на экзаменах не видать Чарли денег на годичный перерыв перед поступлением в университет.

То есть жизнь летит ко всем чертям.

Отец годичный перерыв не одобрял. Он презирал гедонизм и уж точно не хотел, чтобы сын нежился на каком-нибудь тайском пляже – весьма вероятно, под кайфом, – да еще за родительские деньги.

Перед началом семестра они страшно поругались – как раз из-за его будущего. Уильям Кавендиш был чрезвычайно успешным лондонским адвокатом, и предполагалось, что сын пойдет по его стопам. В детстве Чарли об этом особо не задумывался.

По мере взросления до него постепенно начало доходить, чего от него ждут, – причем независимо от его собственных желаний.

Чарли же был дельцом и ловкачом, источником адреналина – и другой жизни не мыслил. Он обожал испытывать судьбу. Мысль о костюмной жизни в удушающей иерархической атмосфере юридической палаты Иннер-Темпла вызывала тошноту.

Вдобавок отцовская идея «преуспеяния» сильно устарела. Теперь все по-другому, можно заниматься чем хочешь. Весь этот бред про респектабельность – пережиток старшего поколения.

Чарли хотел быть диджеем и наблюдать за тем, как красивые полуобнаженные женщины извиваются перед ним в танце. Где-нибудь на Ибице. Да-а. Вот это дело! И вообще... диджеи зарабатывают кучу денег.

Хотя с деньгами особых трудностей не предвиделось. Если только холостой пятидесяти-семилетний дядя не решит внезапно обзавестись потомством, то Чарли унаследует семейное поместье с огромными сельхозугодьями.

На этот счет у Чарли тоже были планы. Достаточно продать несколько акров застройщикам, и он сколотит огромное состояние!

Нет, проблема не в *будущих* капиталах; проблема в том, что жмот-отец имел над Чарли финансовую власть *в настоящем*.

Чарли молод. Он хочет развлекаться.

* * *

Пока все эти мысли крутились в голове, Чарли Кавендиш рассеянно потянулся за двумя таблетками, которые ежедневно принимал на ночь с пятилетнего возраста, и взял стакан воды, оставленный для него сестрой-хозяйкой.

Положил таблетки в рот, запил водой, поставил стакан на тумбочку.

Целую минуту ничего не происходило, и Чарли продолжил вздыхать о несправедливости судьбы. Затем ощутил в теле едва уловимую дрожь.

– Что за черт?!

Дрожь усиливалась, Чарли уже не мог с ней совладать. Горло вдруг сдавило, он запаниковал. Растерянный и задыхающийся, он сумел проковылять несколько шагов до двери. Схватился за ручку, дернул, но, охваченный нарастающим ужасом, не смог ее повернуть и упал. Сознание спуталось, рука взлетела к горлу, на губах выступила пена. Жизненно важные органы, лишенные кислорода и отравляемые смертельным токсином, один за другим начали отказывать. Кишечник расслабился, и мало-помалу юноша, бывший когда-то Чарли Кавендишем, просто перестал существовать.

Глава первая

Роберт Джонс, директор школы Святого Стефана, стоял у себя в кабинете, засунув руки в карманы, – привычка, за которую он нещадно распекал своих подопечных, – и смотрел в окно.

Внизу виднелась лужайка перед часовней, по ней сновали ученики, спешащие на уроки и с уроков. Ладони Роберта были мокрыми от пота, сердце колотилось от адреналина, оно постоянно так себя вело после происшествия.

Джонс отошел от окна, сел за стол. На нем высилась нетронутая гора бумаг и лежал список телефонных сообщений, на которые еще предстояло ответить.

Роберт достал носовой платок, вытер лысину, тяжело вздохнул.

Директору, отвечающему за несколько сотен подростков обоих полов, грозило немало потенциальных кошмаров: наркотики, травля, а в нынешние времена смешанных школ-пансионов для мальчиков и девочек – еще и неукротимый призрак под названием секс.

За четырнадцать лет директорства в Святом Стефане Роберт сталкивался и с тем, и с другим, и с третьим.

Однако все прежние неприятности бледнели на фоне пятничного происшествия. Вот где самый страшный кошмар директора – смерть вверенного ему ученика.

Чтобы полностью уничтожить репутацию школы, не было способа надежней. Как именно мальчик умер, почти не играло роли. Роберт отчетливо представлял толпы родителей, которые сию минуту подыскивают школу-пансион и вычеркивают Святого Стефана из своего списка.

Тем не менее... Роберт находил утешение в том, что школа просуществовала четыре столетия; просматривая архивы, он обнаружил, что подобные трагедии бывали и раньше. Вероятно, в краткосрочной перспективе доходы упадут, но со временем печальное происшествие забудется.

Последняя смерть ученика случилась двадцать шесть лет назад, в 1979 году. Тело мальчика нашли в подвале, где хранились чемоданы: он повесился на веревке, привязанной к крюку в потолке. Эта история стала частью школьного фольклора. Ребята любили пугать друг друга мифом о духе мальчика, обитающем во Флит-Хаусе.

Юный Рори Миллар, когда его недавно нашли в подвале, сам напоминал привидение: беднягу заперли там, и он всю ночь отчаянно колотил в дверь.

Чарли Кавендиш – несомненный виновник, – как обычно, все отрицал. Хуже того – он откровенно веселился. Роберт Джонс нервно поежился. Полагалось скорбеть о безвременно оборвавшейся жизни Чарли, но скорби директор не ощущал.

С этим мальчиком с самого начала были одни проблемы. А теперь из-за его смерти и будущее Роберта оказалось под вопросом. В свои пятьдесят шесть лет он надеялся через четыре года отойти от дел и получить хорошую пенсию. Если же его вынудят уволиться сейчас, он вряд ли найдет другое место.

Вчера вечером на экстренном заседании попечительского совета Роберт предложил свою отставку. Однако совет встал на сторону директора.

Смерть Кавендиша – случайность... вызванная естественными причинами. Он умер от приступа эпилепсии.

Роберт только на это и надеялся. Если коронер вынесет вердикт о смерти по естественным причинам и освещение в прессе сведется к минимуму, то ущерб окажется небольшим.

Однако, пока официального вердикта нет, репутация и будущее Роберта висят на волоске. От коронера обещали позвонить сегодня утром.

На столе пронзительно зазвенел телефон. Джонс включил громкую связь:

– Да, Дженни?

– Вас спрашивают из офиса коронера.

– Соединяйте.

– Мистер Джонс?

– Слушаю.

– Говорит Малкольм Гленистер, местный коронер. Хочу обсудить результаты вчерашнего вскрытия Чарли Кавендиша.

Роберт с трудом сглотнул.

– Разумеется. Слушаю вас.

– Патологоанатом пришел к выводу, что Чарли умер не от эпилептического приступа, а от анафилактического шока.

– Ясно. – Роберт вновь сглотнул, прочищая горло. – И... что же вызвало шок?

– Из медицинской карты Чарли вам наверняка известно о его сильнейшей аллергии на аспирин. В крови мальчика обнаружено шестьсот миллиграмм аспирина, что соответствует двум таблеткам.

Ответить Роберт не сумел – горло совсем пересохло.

– Кроме следов эпилепсии, который Чарли ежедневно принимал от эпилепсии, и минимального уровня алкоголя в крови, патологоанатом больше ничего не нашел. Мальчик был совершенно здоров.

К Роберту вернулся голос:

– Обнаружь мы Чарли раньше, мог бы он выжить?

– Если бы ему немедленно оказали медицинскую помощь, тогда да, почти наверняка. Однако все произошло очень быстро, и шансы на то, что Чарли сумел бы позвать на помощь, прежде чем потерял сознание, были крайне малы. Неудивительно, что нашли его только утром.

Роберт помолчал, по жилам тоненькой струйкой потекло облегчение. Спросил:

– Что же дальше?

– Мы знаем, *от чего* умер Чарли. Непонятно – почему? Родители подтвердили, что Чарли знал о своей аллергии на аспирин, прекрасно знал.

– Видимо, проглотил таблетки по ошибке. Другого объяснения ведь нет?

– Не мое дело строить предположения, не имея на руках всех фактов, директор. Нам явно не хватает ответов на некоторые вопросы. Боюсь, будет полицейское расследование.

Кровь отхлынула от лица Роберта.

– Понятно, – тихо произнес он. – Как оно отразится на повседневной жизни школы?

– Это лучше обсудить с детективом, которому поручено дело.

– Когда приедет полиция?

– Полагаю, очень скоро. Они позвонят, и вы обо всем договоритесь. За сим прощаюсь.

– Всего доброго.

Роберт выключил громкую связь, ощущая дурноту. Сделал несколько длинных глубоких вдохов.

Полицейское расследование... Он покачал головой. Новости – хуже некуда.

Роберт вдруг застыл от страшной мысли: последние дни он был способен думать лишь о репутации школы. Однако раз к делу подключили полицию... значит, коронер сомневается в том, что Кавендиш выпил аспирин по ошибке?

Господи. Они ведь не думают об убийстве?..

Роберт вновь покачал головой. Нет, расследование наверняка простая формальность. Вообще-то, если подумать, на этом мог настоять отец Чарли, его связей хватило бы. Роберт задумался. Сколько раз Кавендиш стоял в этом кабинете и с беззаботным видом слушал директорские нравоучения... Каждый раз все происходило по одному и тому же сценарию: Роберт напоминал, что старинная забава – использовать мальчиков в качестве слуг – вышла из моды, что нельзя запугиванием и издевательствами добиваться от них подчинения. Чарли принимал наказание – и продолжал вести себя по-старому, как ни в чем не бывало.

Чарли, изначально собиравшийся в Итон, провалил вступительные экзамены. С первого же дня своего появления в Святом Стефане Чарли ясно дал понять, что считает школу, ее директора и учеников объектами второго сорта. Мальчишка был заносчив до умопомрачения.

В поисках вдохновения Роберт уставился на портрет лорда Гренвиля Дадли, основавшего школу в шестнадцатом веке, затем глянул на часы и понял, что уже обед. Ткнул кнопку селектора.

– Да, мистер Джонс?

– Дженни, не могли бы вы зайти?

Через несколько секунд на пороге появилась Дженни Колман, чей вид всегда действовал на Роберта умиротворяюще. Она проработала в школе тридцать лет: сперва буфетчицей, затем, после курсов секретарей, – помощницей в казначейском офисе. Когда Роберт четырнадцать лет назад вступил в должность и его секретарь собралась на пенсию, он взял на ее место Дженни.

Она была далеко не самой опытной кандидаткой, но Роберту нравились ее спокойствие и невозмутимость, к тому же Дженни оказалась бесценным источником сведений о школе, что очень помогло новоиспеченному директору.

Дженни любили все, от уборщиков до попечителей. Она знала каждого ребенка по имени, а ее преданность школе не подлежала сомнению. Дженни была на три года старше Роберта, до пенсии ей оставалось совсем немного, и он часто думал о том, как будет справляться без нее. Теперь же, с тоской заключил Роберт, он, похоже, уволится первым.

Из-за операции на тазобедренном суставе Дженни весь прошлый семестр отсутствовала. Ее замена была компетентной и куда более сведущей в офисной технике, но Роберт скучал по материнской заботе Дженни и радовался ее возвращению.

Дженни с блокнотом и ручкой наготове умостила свое пухлое тело в кресло напротив стола и озабоченно посмотрела на директора.

– Вы какого-то чудно2го цвета, мистер Джонс. Принести воды? – Она грассировала, как истинная уроженка Норфолка.

Роберту вдруг очень захотелось опустить голову на пышный бюст Дженни, ощутить ее материнские объятия, обрести в них утешение.

– Звонил коронер, – сказал Роберт, отмечая неуместные желания. – Новости не очень. Будет полицейское расследование.

Дженни подняла кустистые брови:

– Да что вы! Не может быть.

– Будем надеяться, оно закончится быстро. Когда кругом шныряют полицейские, какая уж тут работа... Сплошной разброд.

– Это точно, – согласилась Дженни. – Нас будут допрашивать?

– Понятия не имею, но, безусловно, всех надо предупредить. Детектив должен позвонить мне с минуты на минуту. После разговора с ним я буду знать больше. Думаю, хорошо бы устроить общешкольное собрание завтра утром в главном зале и сделать объявление. Персонал тоже пригласить, весь, даже кухонных разнорабочих. Сможете организовать?

– Конечно, мистер Джонс. Займусь сейчас же.

– Спасибо, Дженни.

Она встала, затем спросила:

– Вы уже перезвонили Дэвиду Миллару? Он сегодня опять три раза звонил.

Для полного счастья Роберту сейчас не хватало только свихнувшегося родителя-алкоголика.

– Нет, не перезванивал.

– Он звонил несколько раз вчера вечером, оставлял сообщения: мол, Рори был расстроен, когда говорил с ним по телефону.

– Знаю, вы мне передавали. Дэвиду Миллару придется подождать. Меня сейчас заботят дела поважнее.

– Может, чаю? Судя по виду, вам не помешало бы поднять уровень сахара в крови. При стрессе очень помогает.

– Спасибо, было бы замечательно, – с благодарностью кивнул Роберт.

Телефон на столе ожил. Дженни успела первой, подняла трубку.

– Приемная директора.

Немного послушала, затем прикрыла микрофон рукой и шепнула:

– Это вас. Комиссар Нортон.

– Спасибо.

Роберт подождал, пока Дженни исчезнет за дверью, и произнес в трубку:

– Директор слушает.

– Директор, говорит помощник комиссара Нортон из уголовного розыска. Полагаю, вы в курсе, о чем пойдет речь.

– Да.

– Хочу предупредить, что посылаю пару детективов расследовать смерть Чарли Кавендиша.

– Да, я понял. Да. – Роберт Джонс не знал, что еще сказать.

– Они прибудут завтра утром.

– Откуда?

– Из Лондона.

– Лондона?

– Да. Дело было передано нам, в спецотдел уголовного розыска. Будем работать совместно с полицией Норт-Норфолка.

– Я понимаю, вы должны выполнять свою работу, комиссар, и ценю это, однако беспокоюсь, что в школе начнется неразбериха, а то и паника.

– У моих коллег большой опыт в ведении подобных дел, директор. Уверен, они подойдут к ситуации деликатно и посоветуют вам, как справиться с персоналом и учениками.

– Да. Я как раз хотел устроить завтра утром общешкольное собрание.

– Отличная мысль. Это даст моим людям возможность проинформировать ваших подопечных и, возможно, немного успокоить их.

– Тогда я организую собрание.

– Хорошо.

– Можете дать мне имена детективов?

После короткой заминки комиссар ответил:

– Пока не готов, но к концу дня я перезвоню и сообщу. Спасибо, что уделите мне время.

– Спасибо вам, комиссар. До свидания.

«За что спасибо-то?» – спросил себя Роберт Джонс, кладя трубку, и обхватил голову руками.

– О боже, – пробормотал он.

Эти ребята из полиции будут изучать подноготную каждого... личную жизнь... неизвестно, что они накопают... он *сам* может стать подозреваемым...

За последние три года финансовые показатели и без того упали. Очень уж велика нынче конкуренция. Школе совсем ни к чему неприятности с полицией. Точнее, более эгоистично – ему, Роберту Джонсу, совсем ни к чему эти неприятности. Он вновь поднял трубку и набрал номер главы попечительского совета.

Глава вторая

Джасмин Хантер-Кафлин (Джаз для друзей и инспектор Хантер для бывших коллег) отдернула шторы и выглянула в маленькое окно спальни. Обзор был ограниченным, панораму маршевых болот Солтхауса и сурового Северного моря за ними туманил конденсат. Машинным, привычным с детства движением Джаз вывела на стекле свои инициалы, внимательно посмотрела на буквы «ДХК» и решительно стерла «К».

Перевела взгляд на бесчисленные картонные коробки, захламляющие спальню. Джаз переехала три дня назад, но вещи стояли нетронутыми, она откопала лишь самое необходимое: пижаму, чайник да гигиенические принадлежности.

Крохотный коттедж был полной противоположностью белоснежной минималистской квартиры в лондонском районе Доклендс, которую Джаз делила с бывшим мужем. И которую любила. Она отличалась патологической аккуратностью, и нежелание разбирать вещи объяснялось тем, что в ближайшем будущем коттедж ждало испытание в виде капитального ремонта. Сантехник за неделю проведет отопление, столяр позвонит завтра насчет замеров для кухонной мебели, и Джаз уже отправила запрос парочке местных дизайнеров.

Она надеялась, что через месяц-другой ее Маршевый коттедж будет выглядеть внутри не менее живописно, чем снаружи.

Сегодня небо расчистилось, и Джаз решила отправиться на утреннюю прогулку – через марши к морю. Надела сапоги и непромокаемую куртку, распахнула дверь и вдохнула бодрящий солоноватый воздух.

Коттедж Джаз стоял на прибрежной дороге, которая отделяла деревню от маршей и моря. Летом дорогу заполняли туристы, стремящиеся к пляжам и береговым деревушкам Норт-Норфолка, но сейчас, в конце января, она была пустынна.

Изучая округу, Джаз ощутила слабый проблеск удовлетворения. Пологий и лишенный деревьев пейзаж являл собой унылую неприветливую картину, но эта суровая простота была для Джаз желанна. Ничто не радовало глаз, ничто не нарушало строгую линию горизонта, тянущуюся в обе стороны на многие мили. Элегантно скругленная граница земной поверхности вдалеке и бескрайние просторы импонировали непритязательной натуре Джаз.

Она перешла дорогу, краем глаза заметила шагах в пятидесяти мужчину, выходящего из отделения почты. Шагнула в жесткую заболоченную траву марша, вся ушла в приятное хлюпанье воды под ногами – и вдруг услышала собственное имя. Почудилось? Да, видимо, кроншнепы расшумелись, вон их сколько там, справа...

Джаз начала спускаться вниз по крутому откосу – единственной защите коттеджа от подтопления, что стало камнем преткновения при оформлении закладной.

– Джасмин! Детектив Хантер! Подождите!

На этот раз ошибки не было. Джаз оглянулась. «Боже! Он-то здесь с какой стати?»

Поднявшись обратно по своим же следам, она остановилась в нескольких шагах от мужчины, коротко улыбнулась – одними губами.

– Добрый день, инспектор Хантер, – поздоровался тот.

– Что вы здесь делаете, сэр?

– И я рад вас видеть. – Нортон протянул руку.

– Простите, – наконец вздохнула Джаз и, приблизившись, пожала руку. – Я вас никак не ожидала.

– Все в порядке. Только, может, пригласите меня к себе, не то я в этом тонком костюме замерзну насмерть?

– Конечно. Прошу.

Джаз усадила Нортон на диван, подкинула дров в огонь. Приготовила кофе и устроилась на деревянном обеденном стуле.

– Милый домик, – сказал гость. – Уютный.

– Спасибо, – ответила она. – Мне нравится.

Неловкая пауза.

– Как у вас дела, Джасмин?

Нортон обратился к ней по имени, это было странно, подчеркивало, как круто изменилась ее жизнь за последние месяцы, и одновременно звучало покровительственно.

– Хорошо.

– Выглядите... лучше. Посвежели.

– Да, в Италии тепло даже зимой.

Очередная пауза. Скорей бы он перешел к делу.

– Как вы меня нашли? – наконец спросила Джаз, не решившись сделать первый шаг. – Я переехала только три дня назад.

Нортон хмыкнул:

– Неожиданный вопрос для работника Скотленд-Ярда. Хотя даже наш компьютер сумел выдать только «Солтхаус-роуд, дом двадцать девять». Добравшись сюда, я не обнаружил на дверях ни одного номера и спросил на почте.

– А!

– Почему сюда?

– Ностальгия по детству, видимо. Я всегда любила Норфолк, и он ничем не хуже других мест. Недалеко от родителей, опять же.

– Ну да. Конечно.

Вновь пауза.

– Итак, – неожиданно перешел на деловой тон Нортон, уловив нетерпение Джаз. – Вам интересно, зачем я ранним морозным утром явился в такую даль. Я, кстати, звонил на ваш мобильный, но номер больше не обслуживается.

– Я отключила его перед Италией. Когда вернулась, решила, что он мне вообще ни к чему.

Нортон кивнул:

– В Норт-Норфолке от мобильного толку мало. На моем сигнала нет с Нориджа. Словом, я здесь, чтобы... позвать вас назад на работу.

Джаз помолчала.

– Мне казалось, я выразилась предельно ясно, – тихо заметила она.

– Верно. Только это было семь месяцев назад. Вы съездили отдохнуть, получили развод, нашли себе новый дом...

– ...который не собираюсь бросать ради Лондона, – резко перебила Джаз.

– Верю, не собираетесь. – Нортон остался невозмутим.

– Кроме того, как я могу вернуться? С чего вы взяли, что я захочу?!

– Джасмин, давайте вы на минутку оставите привычную оборону и выслушаете меня. – В голосе Нортон внезапно прорезались жесткие нотки.

– Виновата, сэр! Вы уж простите меня за то, что я не горю желанием опять окунуться в прошлое! – Она понимала, что ведет себя враждебно, но ничего не могла с собой поделать.

– Я понимаю... – Он поднял на нее взгляд. – Хотелось бы только знать, за что вы так злитесь на меня? Я-то вам не изменял.

– Удар ниже пояса.

– Хотя... – Нортон изучил свои ногти с безупречным маникюром. – Возможно, вы считали мое поведение изменой.

– Сэр, я признаю, что вы ничего не могли поделать с моим мужем. Да и вообще, я к тому времени уже лишилась иллюзий и...

– ...и это стало пресловутой последней каплей. – Нортон отхлебнул кофе, посмотрел на собеседницу. – Джасмин, вы знаете, сколько стоит вербовка и обучение инспектора уголовного розыска?

– Нет, не знаю.

– Скажу, что примерно за ту же сумму вы купите еще один коттедж...

– Пытаетесь надавить на чувство вины?

– Если поможет, то да. – Нортон слабо улыбнулся. – Вы даже не дали мне возможности поговорить с вами. В один день пришли, как всегда, на работу, а на следующий уже умчались в Италию.

– У меня не было выбора.

– Допустим. И все же я надеялся, что наши хорошие рабочие отношения сподвигнут вас прийти ко мне, обсудить дальнейшие шаги. Если бы мы оба пришли к мнению, что единственным вариантом является отставка, я бы не встал у вас на пути. Вы же вместо этого просто... сбежали – ни доклада, ничего!

– О. Так вот зачем вы приехали? – с бесстрастным видом заключила Джаз. – Выслушать мой доклад?

Нортон вздохнул с легкой досадой:

– Бросьте, я ведь стараюсь. Вы же ведете себя как вздорный подросток. А ведь формально вы до сих пор у нас на службе.

Он достал из внутреннего нагрудного кармана конверт и подтолкнул к Джаз.

– Что это? – нахмурилась та.

Внутри лежали зарплатные ведомости, документы по ее общему счету с Патриком, ежемесячные выписки, которые продолжали поступать на прежний адрес Джаз и которых она, естественно, не получала. Еще в конверте обнаружилось заявление об увольнении, которое Джаз в спешке нацарапала в аэропорту и отправила почтой, прежде чем сесть в самолет до Пизы.

– Не слишком... профессиональный уход, правда?

– Пожалуй, не слишком, хотя не понимаю, какая теперь разница. – Джаз сунула заявление назад в конверт и протянула его Нортону. – Прошу, сэр. Вручаю вам заявление официально. Я увольняюсь. Так пойдет?

– Да, если вы именно этого хотите. Послушайте, Джасмин, я вас понимаю. Вы чувствовали себя обиженной и несчастной, личная жизнь рухнула. Вам нужно было время, чтобы все обдумать...

– Вот именно! В самую точку, сэр. – Джаз горячо закивала.

– Поскольку вы злились и горевали, то действовали по наитию, а наитие в тот момент подсказывало бежать. Однако оно же вас ослепило. Неужели не понимаете?

Джаз не ответила.

– В ослеплении, – продолжал Нортон, – вы приняли импульсивное решение, которое не только уничтожило вашу многообещающую карьеру, но и лишило меня одного из лучших сотрудников. Послушайте. – Он мягко улыбнулся. – Я не идиот. Я понимал, что происходит. Узнать такое про мужа, да еще чуть ли не последней, тяжело.

Молчание.

Нортон вздохнул:

– Все сводится к одному и тому же: служебные романы опасны, а уж при нашей работе – особенно. Я так и ответил старшему инспектору Кафлину, когда он сообщил о вашем желании пожениться.

Джаз подняла голову:

– Неужели? Патрик уверял, что вы нас благословили.

– На самом деле я предложил кому-нибудь из вас перейти в другое подразделение, чтобы вы хотя бы не пересекались по работе. Он же попросил оставить вас в отделе. Не желая потерять вас обоих, я согласился. Вопреки доводам рассудка, замечу в скобках.

– Э-э, сэр... Вы сказали «старший инспектор»?

– Да. Вашего бывшего мужа недавно повысили.

– Не трудитесь передавать ему мои поздравления.

– Не волнуйтесь, не стану.

Джаз глянула на Нортон. До чего нелепо он тут смотрится: одет в сшитый на заказ костюм, да еще и сидит на низком диване, а ноги длинные, и колени достают чуть ли не до подбородка.

– Вы знали, сэр? О Патрике и... «той»?

– До меня доходили слухи, но вмешиваться я не мог. Если вам станет от этого легче, то вскоре после вашего ухода она подала документы на перевод в Паддингтон-Грин. Понимала, что с вами ей не соперничать. В отделе все демонстративно ее избегали. Ребята ведь вас любят. И скучают.

Нортон широко улыбнулся, продемонстрировав крепкие белые зубы. Джаз поймала себя на мысли – ему очень идет возраст. Густые черные волосы с сединой на висках, очки для чтения на кончике носа... Годы лишь добавляют Нортону солидности.

– Приятно слышать. А вообще, пусть Патрик со своей любимой детектившей делают что хотят. Мне это больше не интересно. Впрочем, – съязвила Джаз, – можете ее предупредить, что при первом же намеке на конкуренцию она получит нож в спину.

– Не сомневаюсь. Ваш бывший – способный полицейский, но безумно честолобивый и безжалостный. Он не мог терпеть рядом жену, чей потенциал выше его собственного. Я знал, как он себя ведет: компрометирует вас, постоянно унижает. Однако ко мне вы не обращались, и я не имел права ничего предпринимать.

– Я не могла обратиться. Речь шла о моем муже!

– Согласен. Тем не менее рискну предположить: если он научится держать штаны застегнутыми, то рано или поздно всего добьется.

– Пусть переспит хоть со всем отделом, мне плевать.

– Вот и молодец, – обрадовался Нортон. – Ладно, вы точно хотите вернуть мне заявление? Это уже будет официально, знаете ли. – Он помахал конвертом.

– Да, точно.

– Хорошо, инспектор Хантер. – Нортон перешел на официальный тон. – Нам представилась возможность обсудить ситуацию, и вы четко дали понять, что твердо решили уйти из полиции. Я возьму ваше заявление и вернусь в Лондон, поджав хвост, и ни словом не упомяну о других вариантах, которые были у меня на уме.

Джаз представила Нортон с поджатым хвостом и улыбнулась. Потом сделала брови домиком, вздохнула:

– Ладно, рассказывайте, раз уж приехали в такую даль.

– Хотите верьте, хотите нет, но в уголовном розыске есть и другие подразделения. Я мог бы предложить вам перевод.

– В Паддингтон-Грин, например? Я бы уютненько устроилась там с любовницей бывшего мужа.

– Пройгнорирую эту ребяческую ремарку. Хотя она удачно подводит меня к главному вопросу. Джасмин, вы увольняетесь из-за истории с Патриком? Или из-за того, что больше не хотите служить в полиции?

– По обеим причинам, – честно призналась Джаз.

– Так, зайду с другой стороны. Вы, высококвалифицированный инспектор уголовного розыска тридцати четырех лет от роду, поселились в норфолкской глуши точно старая дева. Чем, бога ради, вы планируете заниматься?!

– Писать картины.

– Картины? – Нортон вскинул брови. – Ясно. В смысле, профессионально?

– Бог его знает. Не поступи я в полицию, пошла бы в Королевский колледж искусств – после окончания Кембриджа. Меня ждало место на базовом курсе.

– Серьезно? – Нортон был искренне удивлен. – Так вот откуда у вас умение так хорошо подмечать детали!

– Возможно. Короче говоря, это и есть мой план. Я переделаю пристройку в мастерскую. Деньги от продажи квартиры еще остались, какое-то время продержусь. Плюс в университете Восточной Англии есть художественный курс, я думаю податься на него в следующем году.

– Надо признать, здесь неплохое место для воскрешения творческих способностей, – согласился Нортон.

– Воскрешение, вот именно, сэр! – с чувством воскликнула Джаз. – Служба меня поглотила. Я потеряла себя.

– Понимаю, – кивнул Нортон. – Хотя, похоже, как потеряли, так и нашли. Боевой дух явно к вам вернулся.

– Верно.

– Послушайте. – Он вздохнул и вновь посерьезнел. – Долго вы еще собираетесь бегать? Думаю, вас подкосила не служба. Это сделал мужчина, который на каждом шагу ставил палки в колеса, расшатывал вашу уверенность. Я наблюдал за вами, Джасмин. Когда в крови бушует адреналин, вы оживаете. Вы исключительный детектив. Не я один так думаю.

– Вы... очень добры, сэр.

– Я оперирую фактами, а не добротой. Ужасно обидно, когда человек с вашими способностями выбрасывает белый флаг исключительно из-за рухнувшего брака. Я видел, как вы день за днем, год за годом противостояли мужскому шовинизму. Неужели вы позволите Патрику победить?

Джаз молчала, пристально разглядывая ковер.

– Ну ладно, – произнес Нортон. – Перейду к сути. Как вам такое – нам подвернулось дело всего в нескольких милях отсюда.

– Дело в Норфолке? С чего бы?

– В школе-интернате рядом с Фолтсхэмом произошла трагедия. В субботу утром в своей комнате был обнаружен мертвый ученик. Меня привлекли потому, что он сын адвоката, который недавно добился экстрадиции в Великобританию двух важных террористов. Попросили направить туда людей и проверить, все ли чисто.

Нортон посмотрел в ясные зеленые глаза Джасмин и уловил в них легкий проблеск азарта.

– Отец попросил?

– Звонок поступил от столичного комиссара. Конечно, Скотленд-Ярд такими делами не занимается, но...

– ...иметь влиятельных друзей всегда полезно, – с улыбкой договорила за него Джаз.

– Именно.

– Отчего же умер мальчик?

– Он страдал эпилепсией. По словам медиков, все ее признаки были налицо. Однако отец затребовал вскрытия, и правильно сделал. Сегодня утром мне позвонил коронер, и, похоже, все не так очевидно.

– То есть?

– Большого сообщить не могу, вы ведь пока не в деле. Или все-таки?..

Оба понимали – Джаз клонула.

– Возможно, в деле, – небрежно бросила она. – При условии, что вовремя буду возвращаться домой и писать новую «Мону Лизу».

– А я пришлю вам на подмогу сержанта Майлза. – Глаза Нортон заблестели.

– Дайте мне день на размышление, хорошо, сэр?

– Боюсь, времени нет. Приступать нужно сейчас. В два часа у вас назначена встреча с матерью мальчика. До нее добрых полтора часа езды на машине. Значит... – Он посмотрел на часы. – У вас примерно час на размышление. Или мне придется отправить туда кого-нибудь другого. Вот материалы.

Нортон протянул Джасмин толстый коричневый конверт. Та беспомощно пробормотала:

– Всего час?

– Да. Похоже, вам предстоит принять очередное импульсивное решение, инспектор Хантер. Вы ими славитесь, и, оглядываясь на вашу прошлую службу, я бы сказал, что они вас никогда не подводят. – Он вновь бросил взгляд на часы. – Мне пора. Я обещал вернуться к двум часам на встречу, а здешние проселочные дороги – просто кошмар.

Нортон встал, едва не задев головой потолок.

– Что, если я скажу «нет»? – Она указала на пухлый конверт.

– Киньте в огонь. Вон он у вас какой грустный, растопка ему не мешает. Ладно, я поехал. – Нортон пожал Джаз руку: – Спасибо за кофе.

Уже от двери обернулся:

– Я бы не поехал в такую даль ради кого попало, инспектор Хантер. И, поверьте, второй раз на колени я не встану. Позвоните до двенадцати. Всего доброго.

– До свидания, сэр, – ответила Джаз. – И спасибо... пожалуй, – пробормотала она вдогонку.

Глава третья

Дэвид Миллар расхаживал взад-вперед по маленькой неопрятной кухне. Неожиданно в приступе ярости он схватил молочную бутылку и изо всех сил швырнул в стену. Бутылка отскочила, звякнула о линолеум на полу, но, увы, не разбилась.

– Боже! – вскрикнул Дэвид и, присев, обхватил голову руками.

Глаза жгло от слез, дыхание было тяжелым, неровным.

– Какого черта?.. – простонал он.

С трудом встал и, доковыляв до ниши в виде арки, рухнул на диван. В отчаянии попытался сделать упражнение, которое посоветовал психотерапевт. Дыхание медленное, концентрация на каждом вдохе и выдохе... Гнев постепенно утих. Дэвид открыл глаза и увидел перед собой фотографию: он сам, Анджелина и Рори, счастливая семья три года назад.

Жаркий июльский день в Норфолке, солнце ласково припекает, они в саду – едят обед, приготовленный на мангале, который дымится рядом...

Все тогда было прекрасно. Все. Красавица жена, расчудесный сын, новая жизнь. Воплощение мечты.

Дэвид здесь родился; первые пять лет прожил в небольшой деревне возле городка Эйлшем, а позже с удовольствием приезжал на каникулы. Потому, когда Дэвид с Анджелиной все-таки заговорили о переезде из Лондона, Норфолк стал само собой разумеющимся решением.

Они приобрели симпатичный фермерский дом в пяти милях от Фолтсхэма и вложили море денег, сил и времени в ремонт. Анджелина порхала, выбирая обои и занавески; жена была счастлива. По крайней мере, выглядела счастливой. Рори устроился в частной школе Святого Стефана, совершенно не похожей на тесную городскую с крошечной детской площадкой и удушающим лондонским воздухом. Дэвид с упоением наблюдал за тем, как сын привыкает к деревенской жизни, как розовеют его щеки и округляется худенькая фигура.

Единственным минусом идиллии были долгие ежедневные поездки Дэвида на работу в Сити и обратно, но даже они его не расстраивали. Он сделал бы что угодно ради счастья Анджелины и Рори.

Анджелина тоже расцвела, окунувшись в новую жизнь с головой, завела друзей среди мамочек, с которыми познакомилась на школьной парковке. Многие, как и Миллары, сбежали сюда от лондонской рутины в поисках лучшей жизни на лоне природы.

Анджелина была постоянно занята. Книжные клубы, родительский комитет, дамские посиделки и уроки тенниса – все это заполняло ее дни, пока Дэвид работал. Она приглашала на ужин близкие по духу пары, те в ответ приглашали Милларов, их круг общения становился шире, а жизнь – активнее.

На званых вечеринках Дэвид видел, что дома новых знакомых, как правило, роскошней домика Милларов. Женщины обсуждали дизайнерскую одежду и обувь, отпуск на Маврикии или Карибах; мужчины хвастали винными погребами и «парочкой ружей „Пёрде“», купленных для охотничьего сезона.

Дэвид не завидовал. Выходец из довольно бедной семьи, он считал, что достиг многого. Был абсолютно счастлив в своем удобном доме с женой и сыном. Думал, что Анджелина тоже счастлива.

Теперь-то ясно – Дэвиду следовало понять. Следовало почувствовать, что происходит, по ее тоскливым замечаниям: «О, дорогой, муж купил Николь новенький полноприводный „Мерседес“, просто изумительный!» Или: «На лето все арендовали виллы в Тоскане. Правда, было бы чудесно и нам тоже?»

Анджелина принялась коллекционировать газетные страницы с объявлениями о недвижимости и осторожно подкладывать их Дэвиду на колени, чтобы привлечь его внимание к

какому-нибудь определенному дому, недавно выставленному на продажу. Вскоре до Дэвида начало доходить: жена настойчиво намекает, что их образ жизни должен соответствовать образу жизни богатых, модных друзей и для этого Милларам нужно купить особняк подороже.

До замужества Анджелина работала косметологом и жила в таунхаусе в юго-восточном районе Лондона, а потому Дэвид не без основания полагал, что уже и так существенно ее возвысил.

Однако потребность Анджелины не отставать от Джонсов стала всепоглощающей. В конце концов Дэвид сдался и купил ей полноприводной автомобиль, о котором она так страстно мечтала и с которым нянчилась, как со вторым ребенком. Счастье Анджелины от ежедневных поездок на школьную парковку вызывало у Дэвида улыбку. Ему нравилось доставлять радость жене, но ее явная озабоченность социальным статусом вызывала тревогу.

* * *

Дэвид был успешным брокером в Сити, торговал иностранной валютой для постоянных клиентов. Имел прочную репутацию надежного партнера, но спекулятивным игроком не считался. Он не шел на большие риски, не гнался за возможным баснословным вознаграждением, которое получала лишь горстка прославленных биржевых игроков, – зато избегал не менее прославленных потерь, сопутствующих подобным рискам. С деньгами обращался благоразумно, настаивал, чтобы семья жила на его зарплату, а премии откладывались в банке, на будущее. Дэвид понимал, что карьера в Сити не продлится вечно, и твердо намеревался обеспечить хороший финансовый запас на случай вынужденного выхода на пенсию раньше срока.

Анджелина знала о деньгах в банке, однако не понимала, почему Дэвид отказывается их трогать.

– Дорогой, мы ведь молоды, – сокрушалась она. – Самое время ставить перед собой заоблачные цели! Твоя карьера идет вверх, и я ума не приложу, зачем хранить сбережения на черный день, который вряд ли настанет. Какой толк от мешка с деньгами в семьдесят лет?! Мы будем слишком старыми, чтобы ими наслаждаться. Подумай об этом, мы могли бы купить дом своей мечты!

Дэвид, помнится, бормотал, что они вроде бы уже купили дом своей мечты, но Анджелина не унималась.

В конечном итоге Дэвид, вопреки доводам рассудка, уступил, и Анджелина тут же умчалась вместе с подругой смотреть особняк на окраине Фолтсхэма. Это был внушительный, хотя и требующий ремонта, дом приходского священника в георгианском стиле, расположенный на пяти акрах земли, слишком большой для семьи из трех человек, – но, как застенчиво заметила Анджелина позже, когда они с Дэвидом бродили по восьми спальням, это число может увеличиться.

– Дорогой! – Она обвила его руками на входе в очередную спальню с провисшим потолком. – По-моему, здесь получится божественная детская!

* * *

– Анджи, ты серьезно?

Она кивнула с сияющими глазами:

– Абсолютно. Думаю, нам нужен еще один ребенок, и тогда это место станет настоящим домом.

Это стало решающим доводом. Дэвид давно хотел второго ребенка, но раньше Анджелина была непреклонна и твердила, что не готова вновь пройти через все ужасы беременности.

– С моим организмом творилось бог знает что! – заявляла жена и разглаживала юбку на подтянутом животе, добытом ценой больших усилий. – А затем я целый год приводила фигуру в порядок. Представь, сколько времени понадобится во второй раз!

Рори исполнилось двенадцать, и Дэвид перестал надеяться. Теперь Анджелина переменила мнение, он принял это на веру и сделал продавцу предложение о покупке дома.

Спустя восемнадцать месяцев Дэвид имел на руках закладную на огромную сумму, за плечами – капитальный ремонт, обошедшийся в три раза дороже запланированного, и почти пустой банковский счет, но по-прежнему ни одного младенца.

Затем экономика пошатнулась. В барах Сити сплошь и рядом начали обсуждать не то, кто сколько выпьет за вечер бутылок «Крю», а понижение курсов акций и то, какая фирма следующей занесет над головами сотрудников топор увольнений.

Тем не менее аппетиты Анджелины росли. Суммы, которые она тратила на меблировку и декор, приближались к ВВП небольшой страны третьего мира, но Милларам был *совершенно* необходим еще и бассейн в саду, чтобы Рори приглашал друзей поплавать.

После очередного тошнотворного дня в офисе Дэвид боялся садиться в поезд и возвращаться в дом, ставший символом полного хаоса в жизни, к жене, недовольной всем, что Дэвид ей давал.

Не желая сталкиваться с реальностью, он начал после работы ходить по барам и топить свои печали в спиртном. С пятью-шестью пинтами пива внутри, сдобренными парочкой порций виски, выслушивать требования Анджелины и уступать им было не столь мучительно. Дэвид взял ссуду в банке на бассейн, затем еще одну – на новое покрытие для теннисного корта и ландшафтный дизайн сада.

Напряжение росло, и это сказывалось на работе. Обычно внимательный и благоразумный, Дэвид стал рассеянным и совершил необъяснимую ошибку. Ничего серьезного, совсем не повод для увольнения, однако в сложившихся экономических обстоятельствах – достаточный повод для сокращения.

Однажды шеф вызвал Дэвида к себе и сообщил, что его отпускают. С этого момента он у них не работает. Ему выплатят годовую зарплату, но освободить стол и уйти надо немедленно.

Дэвид провел бесконечно длинный вечер в любимом баре и едва успел на последний поезд домой.

Анджелина уже была в постели. У Дэвида разболелась голова, он, пошатываясь, добрал до кухни, наполнил большой стакан водой из-под крана и пошел за обезболивающим к шкафчику в кладовке, где Анджелина хранила лекарства.

Вытащил коробку – и умудрился уронить ее на пол. Упал на колени, стал собирать рассыпавшиеся кремы, пластыри и таблетки. Внимание Дэвида привлекла одна упаковка. Это были противозачаточные таблетки – Анджелина принимала их до того, как они с Дэвидом решили завести второго ребенка.

При виде даты выписки лекарства сердце Дэвида забилось быстрее – две недели назад. Он заглянул внутрь: половина блистера оказалась пуста.

Дэвид в ярости кинулся наверх, в спальню.

Анджелина читала.

– Дорогой, я так волновалась. Где ты бы...

Договорить она не успела, Дэвид схватил ее за плечи и сдернул с кровати. Затряс, точно куклу.

– Что это за игры, а?! – заорал. – Как ты смеешь мне врать! Как только смеешь!..

Он отвесил крепкую пощечину, Анджелина рухнула на пол. Дэвид опустился на кровать и зарыдал, обхватив голову руками:

– Зачем ты врала? Зачем? Ты не собиралась заводить второго ребенка, даже не думала, да?!

Дэвид открыл глаза, Анджелина исчезла. Он нашел ее внизу; она заперлась в гостиной и позвонила 999. Когда через несколько минут приехала полиция, Дэвид барабанил в двери гостиной, требовал впустить его и дать объясниться.

На следующее утро, после ночи в полицейской камере, Дэвиду предъявили обвинение в нападении без отягчающих обстоятельств. Анджелину возили на медицинское обследование, она уже была дома – потрясенная, но невредимая.

В ужасе от собственного поступка Дэвид попытался объяснить полицейским, что с ним произошло, и его отпустили, поскольку ранее за ним не числилось домашнего насилия.

Дэвид, преисполненный раскаяния, выбрал самый короткий путь и пешком добрался до дома, но тот оказался заперт, точно крепость. Дэвид позвонил из телефонной будки, Анджелина не ответила, он вернулся к дому, стал колотить в дверь, затем попробовал вломиться.

Полиция прибыла вновь – Дэвид как раз запустил в окно большим камнем из сада.

Адвокат Анджелины немедленно раздобыл судебный ордер, запрещающий Дэвиду в обозримом будущем приближаться к дому, жене и любимому сыну.

Последующие недели прошли в алкогольном кошмаре, от которого Дэвид никак не мог очнуться.

Наконец все же очнулся в паршивом арендованном коттедже и включил телевизор.

На утреннее ток-шоу пригласили бывшего алкоголика. Слушая историю его падения, Дэвид плакал – рассказывали словно бы о нем самом.

В тот же вечер он отправился на встречу анонимных алкоголиков.

Это стало началом его путешествия назад, к трезвости.

Вообще-то оно оказалось кошмарным, куда более трудным, чем предполагал Дэвид. Однако по мере того, как проходили недели, а он по-прежнему оставался трезвым, в голове начинало проясняться.

Дэвид проконсультировался с юристом в Фолтсхэме, женщиной по имени Диана Прайс, и та отметила, что скорость, с которой Анджелина получила судебный запрет, просто удивительна.

– Вашу жену ведь не госпитализировали, – сказала Диана, – хотя она и провела некоторое время в отделении неотложной помощи. И, разумеется, вы должны видеться с сыном, пусть даже и под присмотром.

– А деньги? – спросил Дэвид. – Не знаю, на что жена живет; наш совместный счет практически пуст.

– На компенсацию, которую вам выплатили при сокращении?

– Она поступила на счет моего жилищно-строительного кооператива, Анджелина ее тронуть не может.

– Уже неплохо.

– Да, конечно, но это мои единственные финансы. Я без работы, и дом в любом случае придется продать. Я не смогу платить по закладной и ссудам. Анджи до сих пор не желает со мной разговаривать, а мне бы забрать кое-какие вещи. Я ведь остался в том, в чем был, другой одежды нет.

– Давайте я напишу ее адвокату, и посмотрим, как обстоят дела. Шестого числа следующего месяца у вас назначен суд, но я должна спросить – имелись ли у вас с женой проблемы в отношениях раньше, до этого случая?

Дэвид стал вспоминать. В последние месяцы он настолько погрузился в переживания о деньгах, что совсем упустил из виду свой брак. Каково было реальное положение дел? Секс стал редкостью, да, но опять же – Дэвид очень поздно возвращался...

– Общение у нас, пожалуй, не очень ладилось, – ответил он. – Хотя по-настоящему мы не ссорились, и если не считать того единственного раза, мне и в голову не приходило ударить Анджи.

– Просто... – Диана покачала головой. – Обычно жена все-таки дает мужу возможность объясниться. Я не пытаюсь оправдать ваше поведение, но если она вас любит, то разве не должна вникнуть в ситуацию и хотя бы *попытаться* понять, что вас спровоцировало?

– Возможно, Анджи меня боится.

– Возможно. Только не забывайте – она ведь солгала вам о желании иметь ребенка. На ее месте я постаралась бы выяснить отношения, хотя бы даже ради Рори. Ладно, я напишу, и подождем развития событий.

Несколько дней Дэвид провел в мучительном ожидании, меряя шагами маленькую коттеджную кухню. Прошла неделя, и наконец Диана вызвала его к себе.

– Что сказала Анджи? – спросил он.

– Боюсь, у меня для вас две новости, хорошая и плохая, – мягко проговорила Диана. – Ваша жена готова отозвать обвинение в нападении и судебный запрет.

Сердце Дэвида затопила надежда.

– Однако взамен она хочет быстрый развод. В качестве причины укажет в заявлении неадекватное поведение супруга – и больше ничего, если только вы не станете это опротестовывать.

– Что?! – Дэвид опешил.

– Кроме того, Рори останется жить с ней в вашем семейном доме.

Дэвиду стало нехорошо, руки задрожали.

– Почему Анджи хочет развестись? Мы ничего не обсудили... Она, наверное, даже не знает о том, что я потерял работу. Если бы знала, то понимала – дом надо продать.

– По словам ее адвоката, это не имеет значения, – ответила Диана. – Анджелина заявляет, что выкупит вашу долю.

– Выкупит мою долю?! Да каким же образом?!

– Дом находится в совместном владении. После всех выплат по закладной каждый из вас получит свою долю. Анджелина предлагает следующее: она остается в доме, берет на себя обязательства по закладной и выплачивает вам вашу часть. Таким образом, право собственности полностью перейдет к Анджелине.

– Бред какой-то! У нее ничего нет, ни дохода, ни тем более сбережений. Где она возьмет деньги на выплату закладной, не говоря уж о моей доле?!

Диана пожала плечами:

– Понятия не имею, но таково желание вашей жены. Послушайте, Дэвид, вам надо это осмыслить. Берите письмо, отправляйтесь домой и хорошенько все обдумайте. А потом сообщите, что мне делать.

– Какие у меня варианты?

– Вы можете назвать это предложение блефом, бросить жене вызов и предстать перед судом по обвинению в нападении. Однако тут будет ее слово против вашего. Можете побороться за опеку над Рори, чтобы он жил с вами, но суд обычно встает на сторону матери, особенно в случае домашнего насилия. Можете превратить развод в долгий и изматывающий процесс, хотя этого я бы тоже не советовала.

– Хотите сказать, что Анджи загнала меня в угол?

– Хочу сказать, что вам необходимо принять решение. Да, решение, несомненно, болезненное, зато у вас не будет судимости, развод пройдет чисто, дешево и быстро, а самое главное – вы сможете видеться с Рори.

– Прекрасно! – съязвил Дэвид. – Еще вчера я виделся с сыном, когда хотел, готовил ему завтраки и гонял с ним в футбол, а сегодня жена сообщает, что я смогу встречаться с Рори только пару раз в год!

– Все не так страшно. Он учится на еженедельном пансионе, и мы попросим, чтобы сын проводил с вами каждые вторые выходные и половину каникул. Уверена, Анджелина согласится.

– Ужасно благородно с ее стороны! Боже! Что я такого делал, кроме как любил своего сына? И что я такого делал жене, кроме как обеспечивал все ее желания?

Внутри начала вскипать знакомая жгучая ярость.

– Спасибо, Диана. Я с вами свяжусь.

* * *

Это было четыре месяца назад. На сегодняшний день финансовые взаимоотношения были окончательно определены, и хотя Дэвид выражал большие сомнения в способностях Анджелины собрать деньги для выкупа его доли, Диана письменно сообщила, что в ближайшие дни ему должен прийти чек.

Сумма покроет банковские ссуды, а на остаток можно будет начать новую жизнь – в каком-нибудь крохотном бунгало, да и то если повезет, с горечью думал Дэвид. Впрочем, о деньгах он больше не волновался. Теперь его заботил только Рори.

Дэвид жил ради визитов сына раз в две недели и, хотя тот стал куда сдержаннее, был решительно настроен наладить прежние отношения.

Однако Дэвид чувствовал – с Рори творится что-то неладное.

Несколько дней назад звонил Себастьян Фредерикс, педагог-воспитатель школы Святого Стефана, чтобы обсудить пару «вопросов». По его словам, Рори все сильнее уходил в себя, и Фредерикс за него тревожился.

– Рори придет ко мне только через выходные, у него в субботу поездка с хором, мистер Фредерикс. Можно мне навестить сына в школе?

– Давайте я лучше попрошу его вам позвонить? Дальше будем действовать по обстоятельствам. Не хочется, чтобы Рори подумал, будто на него давят, и совсем замкнулся.

– Раз вы так считаете... Пригляните за ним, пожалуйста.

– Конечно, мистер Миллар. До свидания.

Дэвид чувствовал себя беспомощным, ему отчаянно хотелось увидеть сына. Впереди маячил длинный день, и мысли сами собой переключились на спиртное.

В тот вечер Дэвид впервые за много месяцев напился – и поехал в школу. Решил встретиться с Рори, что бы там кто потом ни сказал. Его мальчик в беде, Дэвид знает!

Это произошло четыре дня назад. Воспоминания о том вечере расплывались. Дэвид помнил, как бродил по Флит-Хаусу, искал в безлюдных коридорах Рори, стучал в двери комнат, но общежитие было пустым, а поиски сына – бесплодными.

Как он добрался домой, Дэвид не помнил.

Теперь он забрасывал сообщениями Фредерикса и директора, но никто не перезванивал. Мобильный телефон ожил. Дэвид схватил трубку:

– Дэвид Миллар.

– Пап, это я. – У Рори, похоже, перехватило дыхание.

– Рори, о боже! Наконец-то! Как ты?

– Папа... я... – Он приглушенно всхлипнул. – Очень боюсь.

– Чего?

– Я... Кто меня теперь защитит?

– Рори, о чем ты? Расскажи.

– Нет. Ты не сможешь мне помочь, никто не сможет.

Связь оборвалась.

Дэвид перезвонил. Услышал безответные гудки. Сообразил, что номер, скорее всего, принадлежит ученическому таксофону во Флит-Хаусе, и набрал приемную директора:

– Это Дэвид Миллар. Мне нужно поговорить с директором, срочно! Только что звонил мой сын, Рори, он очень расстроен.

– Я передам директору, мистер Миллар, и прослежу, чтобы он с вами связался.

– Нет, я должен поговорить с ним сейчас же!

– Это невозможно, он на уроке, но я передам ваше сообщение.

– Значит, вызовите директора с урока! Мой сын в беде, с ним что-то случилось!

– Я попрошу мистера Джонса перезвонить вам как можно скорее, мистер Миллар. Ему очень... некогда сейчас, но он знает про вас.

– Я просил вас вчера, и что? Ничего вы ему не передали! Скажите, дело срочное, хорошо? – взмолился Дэвид.

– Скажу, только, пожалуйста, не волнуйтесь. Рори, наверное, скучает по дому. Первые недели второго семестра, это всегда тяжело. Хотите, попробую связать вас с мистером Фредериксом из Флит-Хауса?

– Да, соедините, пожалуйста.

– Не кладите трубку.

Дэвид ждал, расхаживая туда-сюда по крошечной гостиной.

Послышался щелчок, и включился автоответчик воспитателя Фредерикса. От безысходности Дэвид оставил еще одно сообщение.

Прошло полчаса, ни директор, ни воспитатель не перезвонили, и Дэвид совсем потерял голову от тревоги.

Он поедет в школу, к Рори! Дэвид забрался в старенький «Рено», купленный пару недель назад. Повернул ключ зажигания, но машина не завелась.

– Ах ты ж черт!!!

Дэвид в бешенстве стукнул по рулевому колесу, увидев индикатор включенных фар. Значит, аккумулятор разрядился.

Соседей поблизости нет, никто не поможет «прикурить». Придется завтра утром звонить в автомастерскую...

Дэвид вернулся в дом в страшном возбуждении. Открыл кухонный шкафчик и достал бутылку виски.

Глава четвертая

Отъехав от коттеджа, Джаз направила машину на запад, к Питерборо.

– Главное – выяснить, по ошибке или нет Чарли Кавендиш принял аспирин. В первую очередь посетите родителей, соберите у них общие сведения о сыне. Адель Кавендиш, его мать, вас ждет. Удачи, инспектор Хантер. Рад вновь приветствовать вас в команде. Будем надеяться, вы приняли верное решение.

– Благодарю, сэр. Я тоже надеюсь.

Джаз встала в магнитофон кассету Мэйси Грэй и подумала – не удивится ли мать Чарли детективу уголовного розыска, прибывшему на пятнадцатилетнем «Мини Купере» оранжевого цвета? Сержант Майлз пригонит служебный автомобиль завтра, ну а сегодня сойдет и так.

Еще утром Джаз не думала не гадала, что днем ей предстоит допрашивать родителей погибшего ребенка. Она предпочла не заикливаться на этом факте. Как говорил отец, жизнь коротка, остается лишь полагаться на интуицию.

Если не выйдет... К черту! По окончании дела – взять да и уволиться по всем правилам!

* * *

Через час Джаз прибыла в Ратленд. Раньше она лишь проезжала через него по шоссе А1 на север и теперь была удивлена, до чего здесь красиво. Здания из бледно-желтого песчаника и холмистая местность напоминали Котсуолдс.

Пару раз свернув не туда, Джаз наконец отыскала извилистый подъезд к дому Кавендишей. Припарковала «Мини» между старым «Лендровером» и забрызганным грязью «Мерседесом» возле величественного особняка в стиле королевы Анны.

Поднимаясь по ступеням к роскошному входу, Джаз оценила и лошадей, пасущихся на поле рядом с домом, и бесподобный вид на холмистые просторы. Идиллическая картина, даже в холодный зимний день.

Джаз нажала на кнопку звонка сбоку от тяжелой двустворчатой двери. Послышались шаги, затем звук поворачивающегося ключа и отодвигаемых засовов. Наконец на пороге предстала женщина одного с Джаз роста, стройная, в безукоризненно подобранной одежде: полосатая рубашка, кашемировый кардиган, темные брюки и синие кожаные мокасины. Густые каштановые волосы были красиво и коротко подстрижены; очень ухоженную – пусть и старомодную – внешность дополнял легкий макияж на глазах и губах.

– Простите, мы почти не используем парадную дверь. Обычно все заходят сзади. – Хозяйка протянула руку. – Адель Кавендиш. Вы, должно быть, инспектор Хантер.

– Да. Спасибо, что согласились на встречу. – Джаз пожала предложенную ладонь.

– Прошу вас, входите.

Адель провела Джаз через элегантную прихожую с шикарной изогнутой лестницей в изысканную гостиную с застекленными дверями на террасу. Обстановку составляла старинная мебель, окна были задрапированы тяжелыми портьерами с цветочным рисунком, на бюро стояли семейные фотографии, а на каминной доске – фарфоровые статуэтки.

– Садитесь, пожалуйста. – Адель указала на диван с обивкой из цветастого ситца. – Что вам предложить? Чаю? Кофе?

– Спасибо, ничего не нужно. – Джаз достала из портфеля блокнот и ручку. – Простите, что беспокою вас в такое тяжелое время.

Адель скрестила руки на груди, встала у застекленных дверей спиной к Джаз.

– Честно говоря, до сих пор не доходит. В голове не укладывается, что Чарли нет. – Адель повернулась, в глазах вспыхнула боль. – А тут еще, оказывается, его смерть можно было предотвратить, это не эпилепсия, и я... – Она покачала головой. Безутешная, отошла от окна и, сев на краешек дивана напротив Джаз, обняла себя за плечи. – Простите. Что от меня требуется?

– Ваш муж дома? Наверное, вам было бы легче беседовать вместе. Мои вопросы могут причинить вам боль.

– Его нет. – Адель пожала плечами. – Он в лондонской квартире. Я предупредила его о вашем приезде, но муж ведет сейчас крупное дело, которое, видимо, важнее смерти нашего сына. – Она горько усмехнулась. – По словам мужа, он попросил выделить для расследования лучших специалистов и выяснить, что же на самом деле произошло с Чарли. Мы не можем ничего делать, пока коронер не вынесет решения, и это самое ужасное. Как жить дальше, если сын до сих пор в морге?

– Миссис Кавендиш, я понимаю, вам сейчас не до расследования, но вы наверняка хотите узнать, как и почему Чарли умер.

Лицо Адели смягчилось, она кивнула.

– Вы правы. Конечно, хочу. Прошу, приступайте. Давайте с этим покончим.

По мере того как Адель рассказывала, начинал вырисовываться портрет богатого и довольно избалованного подростка.

– Я больше не могла иметь детей, и мы позволяли ему слишком многое; это, наверное, естественно.

– Они с отцом ладили?

– Уильям был разочарован тем, что Чарли не блистал в учебе. Его непоступление в Итон стало большим ударом. Муж всегда считал Чарли просто лентяем. – Адель вздохнула. – Пожалуй, справедливо считал. Чарли выручало обаяние. Он любил спорт и направлял энергию на общение и развлечения, жил в свое удовольствие. Теперь я этому в известном смысле рада.

– То есть отношения Чарли с отцом были несколько натянутыми?

– Чарли хотел поступать в Мальборо, куда подались многие его товарищи по школе, но Уильям отказал. Назвал колледж чересчур либеральным. Хотите знать правду? Думаю, Уильям отправил Чарли в Святого Стефана в наказание за то, что сын не поступил в Итон. Меня все устраивало, я сама родилась и выросла в Норфолке. Это достойная школа, хотя признаю – она не столь высокого уровня, как хотелось бы.

– По-вашему, Чарли был там счастлив?

– Не особенно, нет. – Адель вновь вздохнула. – Он воспринимал пребывание в Святом Стефане как провал, считал себя неудачником. На Рождество Чарли приезжал домой – тогда я видела его последний раз – и все твердил, что ждет не дождется выпуска.

– Собирался поступать в университет?

– Да, хотя... – Адель поднесла руку ко лбу. – Господи, все так сложно. Перед отъездом Чарли в школу они с Уильямом поругались. Чарли хотел сделать годичный перерыв, как сейчас принято, – пока не знал, чем заняться в жизни, и собирался отложить подачу документов в университет на год, до своего возвращения.

– Чтобы обдумать карьерное направление? – подсказала Джаз.

– Совершенно верно. Уильям вышел из себя, обозвал Чарли тунеядцем. Муж всегда считал, что сын пойдет по его стопам в юриспруденцию, но у того оказалось другое мнение.

– Это было три недели назад? Чем закончился спор? Они до чего-нибудь договорились?

– Нет. – Адель покачала головой. – Увы. Уильям заявил, что не оплатит Чарли годичных каникул, если тот сперва не поступит в университет. В начале января я отвезла Чарли назад в школу. – Адель разглядывала свои ладони. – С тех пор отец с ним не разговаривал.

– Теперь ваш муж, наверное, из-за этого очень расстроен?

– Без сомнения; хотя по нему не заметно. – Адель посмотрела на Джаз. – Традиционная выдержка, крепкий характер и все такое прочее... Однако в глубине души Уильям любил Чарли до умопомрачения, я знаю. Они были очень похожи: волевые, упрямые. Потому, видимо, и ссорились часто.

– Когда вы отвозили Чарли в школу, как он держался?

– Был тише обычного, по понятным причинам.

– Миссис Кавендиш, я должна задать страшный вопрос, – медленно проговорила Джаз. – Однако не задать не могу. Учитывая ссору между отцом и сыном и ощущение Чарли себя неудачником, мог ли он намеренно лишить себя жизни?

Адель в ужасе уставилась на Джаз.

– Вы спрашиваете, не совершил ли Чарли самоубийства из-за ссоры с отцом? Нет! Ни в коем случае! – Адель яростно помотала головой. – Если бы вы встретились с Чарли, то поняли бы. Его проблемы с отцом были следствием Чарлиной жажды жизни, а не страха перед ней. Таких активных и энергичных людей еще поискать!

Остатки сдержанности рухнули, и Адель Кавендиш разрыдалась. Вынула из кармана платок, высморкалась.

– Простите, но мысль о том, что Чарли лишил себя жизни... это уже слишком.

– Извините меня, миссис Кавендиш, я обязана была спросить, – мягко ответила Джаз. – Полагаю, коронер рассказал вам, что Чарли умер от анафилактического шока, вызванного аллергической реакцией на аспирин?

– Да, коронер звонил Уильяму вчера вечером.

– Тогда... – Джаз помолчала. – Самоубийство могло бы все объяснить, вам не кажется?

– Нет! Совсем не кажется! Чарли так не поступил бы. Он принял таблетки по ошибке, никак иначе.

Джаз подождала, пока Адель вновь высморкается и спрячет платок в карман, затем уточнила:

– Чарли *точно* знал о своей аллергии на аспирин?

– Конечно. Мы вбили ему это в голову. Сами узнали, когда сыну было пять. У него поднялась температура, и я дала ему жаропонижающее на основе аспирина. Через пару минут Чарли начал задыхаться, забился в судорогах, очень страшно. К счастью, «Скорая» успела вовремя, и его реанимировали, но он был на волосок от смерти. Именно тот случай запустил эпилепсию – так часто бывает, – с тех пор Чарли ежедневно утром и вечером принимал таблетки для предотвращения приступов и обходил десятой дорогой аспирин.

– В крови была обнаружена доза, эквивалентная двум таблеткам аспирина. Следов борьбы не имелось, поэтому версию о том, что Чарли заставили принять лекарство силой, можно отбросить.

– Он пил?

– Доза алкоголя в крови говорит всего лишь об одной пинте пива, так что пьян ваш сын не был.

– Уж лучше бы, наверное, был, – задумчиво проговорила Адель. – Неизвестно, что ему довелось пережить в последние минуты. Жуткая смерть. Да еще в одиночестве...

Джаз дала Адели возможность собраться, спросила:

– Миссис Кавендиш, имелись ли у вашего сына враги, недоброжелатели? Не упоминал ли он кого-нибудь из школы – одноклассника или учителя, к примеру?

Адель ответила не сразу:

– Уверена, что недоброжелатели у Чарли имелись. Сильные личности вызывают у других враждебные чувства, согласны?

Джаз кивнула.

– Хотя, если вы спрашиваете, убил ли кто-нибудь Чарли... Нет, это вздор!

– У Чарли была девушка?

– О, у него было много девушек. – Адель слабо улыбнулась. – Они регулярно приходили и уходили, так и положено, когда тебе восемнадцать и ты красив. Совместное обучение, пожалуй, единственное, что нравилось Чарли в Святом Стефане.

Джаз убрала блокнот с ручкой в портфель.

– Что ж, пока на этом все. Спасибо за помощь, миссис Кавендиш. Я сделаю все, чтобы разобраться в произошедшем с Чарли, обещаю.

– Ответы нужны Уильяму. Мне же просто нужен сын. – Адель встала. – Хочу выпить, – добавила она, словно про себя.

Джаз проследовала за хозяйкой к выходу из гостиной.

– Вы не возражаете, если я взгляну на комнату Чарли? Это поможет мне его лучше узнать.

– Конечно, не возражаю. Сюда.

– У вас красивый дом, миссис Кавендиш, – похвалила Джаз, поднимаясь по шикарной дубовой лестнице.

– Спасибо. Я хотела, чтобы Чарли рос за городом, как я. – Адель остановилась наверху, повернулась к Джаз: – Мы переехали сюда, чтобы Уильям мог ежедневно добираться до работы. Всего час поездом от Питерборо, но Уильям вскоре счел это утомительным и арендовал квартиру в Лондоне. Муж не любитель деревенской жизни.

Джаз не успела ответить – Адель резко отвернулась и пошла по коридору.

– Вот комната Чарли, – сказала, застыв у двери. – Оставлю вас одну, хорошо? Я пока не в состоянии видеть его вещи...

– Конечно. У вас есть лекарство Чарли от эпилепсии?

– Пойду поищу. – Адель обняла себя за плечи и удалилась.

Комната Чарли имела обычные подростковые атрибуты: криво повешенные постеры на стене, фотографии команды по регби на тумбе возле телевизора и музыкального центра, неряшливые стопки книг на полке.

На подушке лежал плюшевый медведь без шерсти. Джаз взяла его в руки.

Пару лет назад она посещала курсы по оказанию психологической помощи людям, перенесшим утрату, и усвоила, что ни один родитель не в силах свыкнуться с потерей ребенка. Пары часто распадаются, родители не умеют поддержать друг друга в горе, чувствуют себя брошенными и разобщенными. Судя по увиденному и услышанному здесь, Адель Кавендиш не получала большого утешения от мужа.

Джаз наклонилась разглядеть фотографию на прикроватной тумбочке. Отец с сыном в лыжных костюмах на вершине горы. Оба широкоплечие и крепкие, светловолосые, с одинаковыми голубыми глазами.

Джаз осмотрела комнату в поисках подсказок. Кем ты был, Чарли? Она выдвинула ящики стола, пролиستала несколько журналов по регби, открыла пару писем от друзей и, не обнаружив ничего интересного, вернулась на лестницу.

Миссис Кавендиш сидела на последней ступеньке, баюкала в руках бокал. Джаз опустилась рядом.

– Нашли что-нибудь?

– Ничего особенного, – откровенно ответила она.

– Вот таблетки. – Адель достала из кармана упаковку. – Можете забрать и остальные. Чарли... они больше не понадобятся.

– Нет.

Джаз взяла упаковку и после короткого молчания поинтересовалась:

– У Чарли есть компьютер?

– Конечно, у кого сейчас его нет? Только он в школе. – Адель глотнула джина. – Я так понимаю, мне нужно будет как-то забрать вещи Чарли.

– Если хотите, мы отправим их вам после того, как осмотрим.

– Правда? – Адель чуть расслабилась. – Назовите меня трусихой, но мысль о том, чтобы туда ехать и терпеть притворное сочувствие на самодовольной физиономии директора, повергает меня в ужас.

– Вы не трусиха, миссис Кавендиш. Люди горюют по-разному. – Джаз безотчетно обняла Адель за плечи.

– Бесконечный поток посетителей и открыток с соболезнованиями. Не могу заставить себя даже открыть их. – Она указала на стопку конвертов на столике в прихожей. – Я понимаю, люди пытаются меня поддержать, но от этого его смерть становится такой реальной... – Адель посмотрела на Джаз, лицо исказилось от муки. – Он был для меня всем, понимаете, всем.

– У меня нет детей, так что я могу лишь представить. Можно обратиться к психологам, они помогут...

– Боже, нет! – Адель отшатнулась, встала. – Не надо мне их покровительственных советов и разной психоболтовни. Я справлюсь, ясное дело. Что мне еще остается? – просто сказала она. – Вам, наверное, надо заниматься расследованием дальше?

Джаз тоже поднялась, пошла за хозяйкой к выходу.

– Сообщите, когда будут какие-нибудь новости? – Адель открыла парадные двери.

– Конечно. До свидания, миссис Кавендиш.

Джаз начала спускаться с крыльца. Двери за ней со стуком захлопнулись.

Она осторожно повела машину по подъездной дороге, прочь от прекрасного дома на живописных холмах и его безутешной обительницы.

* * *

Адель Кавендиш пересекла прихожую и вошла в кухню. Доверху наполнила бокал джином, сделала большой глоток. Затем достала мобильный телефон и набрала номер.

– Это я. Она приезжала. Да, было ужасно. Когда встретишься с ней, ради бога, ничего не говори. Я... это невыносимо. – Адель помолчала, слушая. – Спасибо. Знаю, что не станешь.

Она отключилась, на губах мелькнула тень улыбки и тут же исчезла – стоило вспомнить о страшном грузе вины, который Адели придется нести до конца своих дней.

Глава пятая

Выглянув из окна на следующее утро, Джаз увидела пустую Солтхаус-роуд. Майлз должен был заехать в семь тридцать, добрых полчаса назад. Позвонив ему, Джаз услышала автоответчик. Это несколько успокаивало: видимо, Майлз где-то рядом, просто у него нет сигнала. Джаз оставила короткое сообщение. Если через десять минут он так и не появится, она поедет в школу Святого Стефана на своем «Мини Купере» и встретится с Майлзом уже на месте.

Работать предстоит с местными коллегами, и опаздывать в первое же утро – не дело.

Джаз поправила выбившийся локон. Она уже семь месяцев не подрезала густые рыже-вато-каштановые волосы и носила их распущенными. Непослушные кудри отросли до плеч. Сегодня Джаз собрала их на затылке и закрепила старой пластмассовой заколкой, но та не выдерживала тяжести волос и больно впивалась в кожу.

– Да чтоб тебя! – проворчала Джаз и сняла заколку, возвращая волосам свободу.

Пригладила на себе костюм, измявшийся от семимесячного хранения в коробке. Вдохнула, что не успела отнести костюм в химчистку. Взяла ключи от машины – и тут на дороге затормозил серебристый «БМВ».

– Слава тебе господи.

Джаз подхватила портфель и, захлопнув за собой двери, побежала к ожидающему автомобилю.

– Где вас носило? – бросила она сержанту Алистеру Майлзу, устраиваясь на пассажирском сиденье.

– Разве не я должен вас об этом спрашивать? – улыбнулся Алистер. – Я всего лишь сделал крюк по живописным норфолкским деревушкам и задержался на часок, вы же слонялись где-то целых семь месяцев. Рад вас видеть, мэм. – Не переставая улыбаться, он тронулся с места. – Мы в правильном направлении движемся?

– Пока да, а дальше я скажу, где свернуть.

– Как вы? – Майлз с восхищением покосился на начальницу, в который раз пораженный ее необычайной красотой.

Джасмин Хантер выглядела теперь мягче; алебастровая кожа, покрывшаяся легким загаром, оттеняла зеленые глаза; отросшие волосы сглаживали очертания высоких скул.

– Выглядите сказочно.

– Спасибо, – коротко ответила Джаз.

– Вы тут заправляете ранчо, а нам вас не хватает. Ребята шлют привет. Они позеленели от зависти, когда меня отправили к вам на загородную побывку. Требуют всяческих подробностей.

– Не сомневаюсь, – кивнула Джаз. – Я взяла вынужденный отпуск, чтобы утрясти личные проблемы, и оказалась тут. На этом с подробностями все. *Capisce*, сержант Майлз?

– Так точно, *capitano*, понял. Введете в курс дела?

– Похоже, юный Кавендиш умудрился проглотить две таблетки аспирина, хотя прекрасно знал о своей аллергии. Вчера я пообщалась с его матерью, она это подтвердила.

– Он был пьян?

– В отчете патологоанатома сказано, что нет.

– Наркотики?

– Нет.

– Тогда, наверное, выпил таблетки по ошибке?

– Вот затем, детектив-сержант Майлз, вы и везете меня сквозь норфолкскую глушь – чтобы выяснить.

– Я так понимаю, это услуга приятелю столичного комиссара. Передозировка какого-то школьника – обычно не наш случай. Хотя мне все равно. Я будто в отпуске себя почувствовал, пока сюда ехал.

– Последнее замечание я проигнорирую, сержант Майлз. Каким бы ни было дело, большим или маленьким, мы приучены отдаваться ему полностью.

– Совершенно верно. – Алистер расплылся в улыбке. – Ну и как вам спокойная жизнь на отшибе? Прямо декорации для мисс Марпл. – Он указал на ряд идиллических коттеджей по дороге к Фолтсхэму.

– Хорошо, спасибо.

Чем ближе подъезжали к школе, тем громче стучало сердце Джаз. Она была рада присутствию напарника. Они с Алистером Майлзом работали вместе над множеством дел. Никогда не унывающий Майлз, кажется, ничего не имел против успешной карьеры начальницы, хотя и был старше нее на несколько лет.

Без таких, как он, полиция бы пропала: основательный, толковый и надежный, но лишенный воображения и чутья, которые могли бы обеспечить Майлзу повышение по службе. Джаз смело могла на него положиться. Она ценила его прямоту, а самое главное – он ее смешил и часто разряжал напряженную обстановку очередной глупой или непристойной шуткой из своего богатого арсенала.

Ангельское лицо, белокурые волосы и большие голубые глаза Майлза вызывали учащенное сердцебиение у многих сотрудниц управления, но он этого словно не замечал, с девушками встречался редко и весь отдавался работе.

– Мне забронировали тут какую-то гостиницу, – рассказывал Майлз, пока они ехали по Фолтсхэму, небольшому симпатичному городу с прелестными старомодными магазинчиками одежды, художественными галереями и кофейнями. – Как думаете, в этих краях есть водопроводная вода и электричество?

– Прекратите задира́ть нос и корчить из себя крутого горожанина, Майлз. Иначе местные пинкертонеры вас невзлюбят, – поддела Джаз.

– Ну и кто тут задирает нос и обзывается? – парировал сержант. – Да и вообще, двум воображалам из Скотленд-Ярда никогда не завоевать любви местных полицейских.

– Мы будем очень стараться вести себя профессионально и обходительно. Так, поворачивайте направо и становитесь на парковку.

Джаз привычно проверила свое отражение в боковом зеркале. Ничто так не подрывает доверия к детективу-женщине, как размазанная тушь для ресниц или помада на зубах.

Майлз заглушил мотор на гостевой парковке перед главным входом.

Вокруг ухоженной лужайки располагались строгие викторианские здания красного кирпича, составлявшие школу Святого Стефана. Чуть в стороне стояла величественная школьная часовня, построенная больше трех столетий назад и предположительно спроектированная архитектором Кристофером Реном как миниатюрная копия собора Святого Павла. По обеим сторонам ее окружали спортивные площадки.

– Интересно, не нас ли поджидает вон та старушка, которая топчется возле приемной стойки? Или это и есть мисс Марпл? Ее тоже вызвали?

– Ладно, хватит, – резковато одернула Джаз. – Пойдем узнаем.

* * *

Когда Дженни пригласила в кабинет инспектора Хантер с сержантом, Роберту Джонсу пришлось тут же распрощаться с придуманным образом детектива-здоровяка. Эта высокая элегантная женщина больше походила на модель с подиума, чем на сотрудницу полиции.

Она твердо пожала директорскую руку.

– Инспектор уголовного розыска Хантер, это – сержант Майлз. Приятно познакомиться. Сержант Роланд уже прибыл?

– Да, минут десять назад. Я провел его в комнату, которую выделил вам для работы, – ответил директор.

– Отлично. Мы присоединимся к нему? – спросила Джаз.

– Я могу вас проводить, но вам, наверное, говорили, что я созвал всю школу на собрание.

– Хорошо. Успеем мы сначала заглянуть к сержанту Роланду? Мне надо встретиться с ним до обращения к школе. Возможно, он решит поучаствовать.

– Конечно. Прошу. – Роберт Джонс указал на дверь.

* * *

Сержант Роланд оказался невзрачным мужчиной лет сорока с лишним. Обмениваясь с ним рукопожатием, Джаз явственно ощутила его недовольство. Ничего удивительного, она тоже не хотела бы, чтобы ей на пятки наступали какие-то шишки из Скотленд-Ярда. Тем не менее Роланда следовало привлечь на свою сторону, чтобы расследование прошло максимально гладко и эффективно.

– Сержант Роланд, рада знакомству. Давайте поговорим по пути на собрание? Мне мало известно о деле, но вы, насколько понимаю, присутствовали при обнаружении тела. Я хочу выслушать ваш рассказ о том, что вы видели. Мы сможем после собрания осмотреть место смерти Чарли Кавендиша? – Джаз обернулась к директору.

– Я обращусь к сотрудникам и преподавателям с короткой речью, а вы сможете добавить все, что сочтете нужным, – кивнул Роберт Джонс.

– Спасибо.

Они вошли в зал, где собралась вся школа. Пока Джаз пересекала его и поднималась следом за директором на помост, ее буравили тысячи глаз.

– Всем доброе утро, – начал Роберт Джонс. – Уверен, школьное сарафанное радио уже оповестило вас о том, что нам предстоит принимать в гостях трех детективов. Они здесь для расследования трагической смерти Чарли Кавендиша. Я передам слово инспектору уголовной полиции Хантер из Скотленд-Ярда, она введет вас в курс дела.

Джаз выступила вперед, улыбнулась.

– Доброе утро. Я – инспектор Хантер, а это – мои коллеги, сержант Роланд и сержант Майлз. Мы надеемся завершить расследование как можно скорее. Будем беседовать как с персоналом, так и с учениками, которые тесно общались с Чарли Кавендишем. После обсуждения с мистером Джонсом я повешу расписание на доску объявлений.

Джаз помолчала, глядя на море лиц перед собой.

– Вы, конечно, знаете, что случилось с бедным Чарли. В настоящий момент мы подозреваем трагическую случайность, но нам нужна абсолютная уверенность. В связи с этим я прошу откликнуться любого, кто может пролить свет на события той ночи. Информация, которую вы сообщите мне или моим коллегам, будет совершенно конфиденциальной, поэтому, пожалуйста, не бойтесь, приходите. Чем скорее вы все расскажете, тем скорее мы перестанем путаться у вас под ногами и школа заживет обычной жизнью. Сержант Роланд, хотите что-нибудь добавить?

Джаз повернулась к Роланду, тот покачал головой.

– Хорошо. Заранее благодарю каждого из вас за сотрудничество. Директор?

– Спасибо, инспектор Хантер. После собрания прошу всех сразу же вернуться в классы. Регулярно проверяйте доску объявлений на случай, если инспектор Хантер пожелает с вами поговорить.

* * *

Дженни Колман, которая уже чувствовала себя дурно при одном только виде детективов, отвернулась от помоста. Медленно продвигаясь со всеми к выходу, она заметила в другом конце зала знакомое лицо.

Дженни спряталась за колонну – чтобы видеть, но самой оставаться невидимой. Вгляделась в лицо. Да, так и есть! Совершенно точно. Даже спустя двадцать пять лет спутать эти черты невозможно. Дженни дождалась, пока зал опустеет, затем ноги у нее ослабели, и она тяжело опустилась на стул.

* * *

Джаз следом за директором вышла из зала.

– Будем искать иголку в стоге сена, – пробормотал Майлз. – Если тут и правда дело нечисто, то замешан может быть любой. Уйма народу!

– Судьба просто свела их в одном месте, только и всего. Думаю, здесь куда больше шансов добиться успеха, чем в Лондоне – отыскать водителя, скрывшегося с места аварии. – Джаз остановилась, давая возможность Роберту Джонсу и Роланду уйти вперед. – Так, отправляйтесь поговорить с нашим директором, выясните как можно больше о Чарли, а я осмотрю его комнату вместе с Роландом.

* * *

Спартанская обстановка Флит-Хауса вызвала у Джаз удивление. Казалось бы, закрытая частная школа, которая берет с родителей заоблачные деньги, должна обеспечивать жилищные условия получше, чем это суровое обшарпанное здание. Даже некоторые тюрьмы выглядят роскошней, Джаз видела.

В вестибюле детективов встретила женщина. Джаз дала бы ей лет пятьдесят с лишним. Худая, даже истощенная, седая и морщинистая не по годам, она носила практичную короткую стрижку. На лице – никакой косметики; одежда и туфли – простые и удобные. Зато глаза притягивали и поражали: широко посаженные, необычного янтарного оттенка.

– Доброе утро. Я инспектор уголовного розыска Хантер. С сержантом Роландом вы, полагаю, уже знакомы? – сказала Джаз, пожимая руку женщине.

– Да. Мэделин Смит, сестра-хозяйка Флит-Хауса.

Она говорила с незнакомым акцентом.

– Мы хотели бы осмотреть комнату Чарли, если можно.

– Конечно. Не угодно проследовать за мной?

– Не хотел бы я оказаться ее подопечным, – шепнул Роланд Джаз на лестнице, глядя в прямую спину сестры-хозяйки.

Та провела их по коридору и остановилась у двери в комнату Чарли. Отперла ее ключом, который выудила из кармана пиджака.

– На следующий день после смерти Чарли я прислала сюда уборщиков. Его вещи упакованы, подготовлены для родителей. Мне хотелось помочь хотя бы этим. Тогда я не думала, что смерть Чарли могут счесть подозрительной.

Сестра-хозяйка не оправдывалась, просто констатировала факт. Сердце Джаз упало. Здесь ничего не найти.

– Я еще вам нужна? Меня ждут дела.

– Нет, спасибо. Мы подойдем к вам, когда закончим, – ответила Джаз. – Где вас искать?
– Где-нибудь в здании, – неопределенно сообщила сестра-хозяйка и удалилась по коридору.

Роланд открыл дверь и отошел, пропуская Джаз вперед.

В комнате царил идеальный порядок. Белье сменили, уничтожив любые подсказки о последних минутах Чарли. В маленьком помещении стоял сильный запах полироли и дезинфицирующего средства, тем более что окна после уборки явно не открывали.

Роланд закрыл за собой дверь и замер возле нее, как часовой.

Джаз пробралась между коробками, осторожно присела на край кровати. Глянула на Роланда:

– Улик не осталось, правда?

Роланд ошетинился:

– Когда я обнаружил жертву и услышал от сестры-хозяйки про эпилепсию, тоже предположил, что у него случился припадок. На губах была пена, медики заверили, что это – симптом. Мы все так думали, пока не пришли результаты вскрытия.

– Теперь уже ничего не поделаешь, – обреченно пожала плечами Джаз. – А криминалистическая экспертиза? Криминалистов ведь вызывали?

– Нет, мэм. – Роланд неловко замялся. – Ни школа, ни врачи «Скорой», ни я сам не имели оснований подозревать преступление. Меня вызвали лишь потому, что директор хотел прикрыть свой тыл. Если бы парень находился дома, нас никто не привлек бы. Со всех точек зрения это была смерть по естественным причинам.

– Она вполне еще может оказаться трагической случайностью, – успокоила Роланда Джаз.

– Мой суперинтендант намекнул – не окажись у отца мальчика больших связей, вас сюда вообще не прислали бы.

– Возможно, но мы все равно обязаны установить, по ошибке принял Чарли таблетки или нет.

– Непременно по ошибке, – заявил Роланд. – Альтернатива-то – убийство. А зачем убивать школьника? У нас тут не бандитские разборки. Фолтсхэм – городок спокойный, а в этой школе учатся приличные дети из зажиточных семей.

– Вы провели обычную проверку Чарли Кавендиша?

– Конечно. Чист как слеза. Все, что на него есть, – это три штрафных водительских балла за превышение скорости. Он получил новенькую машину в подарок от папочки на семнадцатилетие, а через несколько дней сдал экзамен на права. – Роланд закатил глаза. – Современные детки, а? Я на свой первый драндулет четыре года копил.

– Ну, Чарли в деньгах не нуждался, это точно. – Джаз обежала взглядом комнату. – Где вы его обнаружили?

– Лежал у дверей, на губах пена, и уже трупное окоченение началось. Не самое приятное зрелище.

– Все-таки вызовите криминалистов. Возможно, уборщики что-нибудь пропустили.

– Сомневаюсь, но вызову.

В голосе Роланда слышалась враждебность. Да уж, не лучшее начало рабочих отношений.

– Пришлю сержанта Майлза вам в помощь, надо перебрать вещи Чарли. – Джаз взяла с коробки ноутбук и вручила его Роланду. – Проверьте компьютер. Позвоните, если найдете что-нибудь интересное. Я пришлю сообщение со своим номером.

Джаз вышла в молчании. Идя по коридору, она размышляла, а не отправили ли ее сюда просто «для галочки», лишь бы не расстраивать приятеля комиссара? Как бы ни хотелось Джаз добиться в этом деле успеха, шансы на то, что речь идет об убийстве, ничтожны.

Раньше она по каждому делу получала высококлассную поддержку. Теперь это вдруг показалось давно забытым сном. В Лондоне в распоряжении Джаз были подготовленные кадры,

компьютеры, криминалисты, любые доступные средства. Пусть Майлз шутит сколько угодно, но она и правда чувствует себя сейчас мисс Марпл. Как ей опросить восьмьсот учеников и двести сотрудников при помощи только двух детективов?!

Джаз неожиданно рассердилась. Нортон просто подсунул ей дурацкое дело! Решил занять чем-нибудь? Или даже проверить? Джаз выдернула из нагрудного кармана мобильный.

Набрала прямой номер Нортон и тут же нажала «отбой». Прислонилась горящей щекой к крепкой прохладной стене.

Представила лицо Адели Кавендиш, ощутила ее горе и постаралась сфокусироваться на нем.

Назад пути нет. Задача Джаз – выяснить правду.

Какими ничтожными ни были бы шансы, ее долг – просто взглянуть в глаза Адели и без всяких сомнений сообщить, умер ли ее сын в результате трагической случайности или стал невинной жертвой чего-то куда более зловещего.

Глава шестая

Хью Данман посмотрел на снотворные таблетки в руке. Такой способ умереть казался ему наименее мучительным. К тому же в данных обстоятельствах Хью видел в этом синхронность, столь милую его эстетической натуре.

Он зажег в камине огонь. Тот вспыхнул и тут же опал, слабо затеплился. В маленьком коттедже, арендованном у школы, все работало «почти». Однако он служил Хью верой и правдой вот уже двадцать лет, был декорацией коротким мгновениям счастья, и Хью глядел на него с нежностью.

Он собрал все личные бумаги; они лежали кучей на полу перед камином, готовые к уничтожению.

Мысль о том, что кто-то станет рыться в его вещах, была Хью невыносима. Он тщательно привел в порядок свои дела, даже в гардеробе убрал, оставив только лучшие костюмы – на благотворительность.

Ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что это – самоубийство.

Хью глотнул бренди. Он пил редко и надеялся, что спиртное притупит последние колебания.

Хью принялся бросать бумаги в камин. Улыбнулся при виде ярко взвившегося пламени; хороший огонь, никогда он так не горел, приятно будет забрать с собой это воспоминание.

На журнальном столике стоял пузырек теназепам. Месячная доза наверняка справится с задачей. Хью сел в любимое кресло, посмотрел на таблетки. Он предупредил школу, что слег с простудой и сегодня не придет. Это даст ему время умереть.

Хью уставился на пламя.

Столько лет себя контролировал, а тут одна ошибка...

Хью вздохнул.

Он не планировал закончить жизнь так рано.

С другой стороны, старость – сама по себе медленная смерть.

Хью открутил крышку, высыпал таблетки на столешницу.

По крайней мере, его смерть никому не принесет горя. Лишь бы только выполнили последнюю волю, указанную в завещании. Приятно думать о том, что похороны устроят в школьной часовне и на них придет кто-нибудь из детей...

Однако Хью понимал – при данных обстоятельствах это может оказаться недостижимым.

Хью порылся в кармане твидовых брюк, нашел бумажник. Осторожно извлек фотографию, взгляделся. Раньше она была цветной, но теперь поблекла и обрела коричневатые тона.

Хью улыбнулся знакомому, любимому лицу. Пусть окажется, что он почти всю жизнь ошибался и Бог существует; Бог, который воссоединит их после смерти, после долгих лет разлуки.

Если же нет, если впереди небытие, оно все равно легче, чем пустое существование, которое Хью влачит последние сорок лет.

Он поцеловал фото в последний раз. Взял со стола три таблетки и поднял бокал с бренди. Положил таблетки на язык, отсалютовал бокалом.

– *Carpe Diem*, любовь моя! Лови момент! – воскликнул Хью, ощутив на языке горечь, и глотнул.

* * *

По дороге к приемной Джаз успела взять себя в руки.

Секретарь сидела за столом, но не работала. Она, как и Джаз, прислушивалась к возмущенному мужскому голосу за дверью директорского кабинета.

– Что там происходит? – нахмурилась Джаз.

– Это Дэвид Миллар. Отец одного ученика. У них дома неблагополучно: мистер Миллар выпивает, семья распалась. Он вообразил, что у его сына какие-то неприятности, но это, скорее всего, алкоголем наваяло.

– Как зовут мальчика?

– Рори. Ему всего тринадцать, лапочке, и ростом пока не вышел. Возможно, кто-нибудь из старших ребят действительно его донимает, но чего вы хотели? Мальчики есть мальчики, правда? – Дженни слабо улыбнулась.

– Отец думает, что сына третируют?

– Понятия не имею, – пожала плечами Дженни. – Однако что-то вывело мистера Миллара из себя.

Дверь распахнулась, и из кабинета выскочил мужчина. Он пылал от гнева и был одет кое-как, явно в то, что под руку попало. В глазах плескалось отчаяние.

– Господи! Как в этой школе поговорить с собственным ребенком?! – Не обращая внимания на Джаз, мистер Миллар навис над столом Дженни. – Ради бога, у Рори какие-то проблемы. Он мой сын, я его знаю. Рори не стал бы мне звонить, если бы не нуждался в помощи. Почему я не могу с ним повидаться?!

– Мистер Миллар. – На пороге своего кабинета вырос взволнованный Роберт Джонс. – Я ведь вам объяснил, что, по словам сестры-хозяйки, сегодня утром за завтраком Рори был в полном порядке. По-моему, не очень-то полезно выдергивать его сейчас с урока, особенно когда вы в таком... возбуждении.

– Мне просто нужно увидеть его, поговорить! Прошу, дайте увидеться с сыном!!!

– Я вам пообещал, что попрошу Рори позвонить вам вечером. До выходных осталось всего ничего, и Рори будет дома.

Дэвид Миллар выпрямился и повернулся к Джонсу:

– Да, он будет *дома*, с матерью. К сожалению, и вам это прекрасно известно, я там больше не живу – и, странное дело, в гости меня не зовут.

Внезапно весь запал из Дэвида вышел, плечи устало обмякли.

– Пожалуйста, очень вас прошу, пусть Рори сегодня мне позвонит.

Он медленно вышел из приемной, Джаз проводила его взглядом.

– Извините, инспектор Хантер. – Директор промокнул лоб носовым платком. – Пройдем ко мне?

– Мальчика зовут Рори Миллар? Правильно?

– Да. – Роберт закрыл за собой дверь кабинета и проводил Джаз к креслу. – Я стараюсь удовлетворять требования родителей, но Рори вряд ли стоит видеть отца в таком состоянии. Причем, увы, нетрезвым.

– Рори знал Чарли Кавендиша?

– Они оба жили во Флит-Хаусе, но Чарли был пятью годами старше, поэтому за пределами общежития их мало что связывало. Итак... – Директору определенно хотелось сменить тему. – Думаю, вам лучше начать с воспитателя. Он общался с Чарли ежедневно, так что поведать о его друзьях сможет именно Себастьян Фредерикс. И еще куратор Флит-Хауса, Хью Данман, наш преподаватель латыни, но он, к сожалению, на больничном с простудой. Я уже пообщался с вашим сержантом Майлзом и рассказал ему о Чарли все, что знал. – Директор демонстративно пошелестел бумагами на столе. – Могу я еще чем-то быть полезен?

– Пока нет, спасибо, мистер Джонс. – Джаз поднялась. – Вы нам очень помогли.

* * *

Майлз сидел в маленьком классе, выделенном в распоряжение детективов, и вносил заметки в ноутбук.

– Привет, как успехи? – поинтересовался Майлз, поднимая голову.

– Вот, посмотрите-ка. – Джаз выложила перед собой четыре маленькие круглые таблетки белого цвета. – Только не приглядывайтесь. Оттуда таблетки выглядят одинаковыми?

– Абсолютно, – кивнул он.

– Теперь приглядитесь, и вы заметите, что две таблетки гладкие, а на двух есть надпись.

– Ноль семь два, – прочел Майлз, прищурившись.

– По словам Адели Кавендиш, матери Чарли, он регулярно принимал перед сном две таблетки эпилима – лекарства на основе вальпроата натрия. Она боялась, что Чарли забудет про таблетки, поэтому их каждый вечер приносили в его комнату либо сестра-хозяйка, либо воспитатель – и оставляли у кровати вместе со стаканом воды.

– И?

– Я сейчас разговаривала с патологоанатомом, который проводил вскрытие. Он уверен, что Чарли перед смертью эпилим не выпил, – его оказалось слишком мало в крови. Теперь представьте: вы приходите домой из паба, собираетесь спать. Заметите вы цифры на двух белых таблетках, которые принимаете каждый вечер всю свою жизнь? Или глотнете их не глядя?

– Хотите сказать, что лекарство от эпилепсии могли подменить?

– Да. – Джаз указала на две таблетки с цифрами. – Это аспирин, а это... – Она взяла таблетку без надписей, изучила ее. – Эпилим.

Они молча уставились на лекарства. Майлз высказался первым:

– Чарли почти наверняка не заметил бы разницы.

– Это объяснило бы, почему он, зная о своей непереносимости аспирина, все же его выпил. Патологоанатом определил время смерти – одиннадцать тридцать, всего через полчаса после отметки о возвращении Чарли во Флит-Хаус. Реакция на аспирин началась бы почти мгновенно. Если я права, – зловеще подытожила Джаз, – то мы расследуем убийство.

* * *

Жилище педагога-воспитателя Флит-Хауса располагалось рядом с главным вестибюлем здания. В своей гостиной Себастьян Фредерикс принимал родителей и детей, беседовал с ними, устраивал разнообразные мероприятия с подопечными мальчиками.

В результате гостиная напоминала приемную врача: функциональная комната с парой синтетических диванов, несколькими старыми креслами, чьи подушки молили о новой набивке, и письменным столом перед окном, выходящим на прямоугольный школьный двор. Однако, отметила про себя Джаз, здесь ничто не давало представления о личных вкусах хозяина.

– Приятно познакомиться, инспектор Хантер. – Мужчина крепко пожал ей руку.

В свои сорок с хвостиком воспитатель походил на регбиста – он тренировал школьную команду, о чем Джаз узнала из списка учителей, – но из-за высокого роста не выглядел квадратным. У Фредерикса были светлые волосы, тронутые сединой на висках, эффектные карие глаза и белые, чуть выпирающие зубы.

– Располагайтесь. Хотите чаю?

– Почему бы и нет? – ответила Джаз.

Он заказал чай по стоявшему на столе телефону.

– Ужасное дело. Я ни разу не терял ребят за все двадцать лет преподавания. – Фредерикс сел напротив Джаз. – Чем могу быть полезен?

Он говорил громко, с выразительными жестами и мимикой – видимо, привык кричать издалека.

– Вы много общались с Чарли Кавендишем. Он прожил в вашем общежитии пять лет. Опишите его как можно подробнее.

Себастьян подался вперед, потер руки.

– Сперва он вел себя заносчиво, но нам вроде бы удалось его немного обтесать. Сам собой, Чарли был одним из звездных регбистов в моей команде. Блуждающий полузащитник. Как команда обойдется без него, ума не приложу. – Воспитатель вздохнул, звук вышел долгий, громкий. – Ну да что уж теперь...

– Вы можете назвать его ближайших друзей?

– Конечно. Я подготовил список. – Взяв с журнального столика конверт, Себастьян вручил его Джаз. – Решил, вам понадобится. Тут перечислены друзья Чарли, его одноклассники и те ребята, что тоже спали в коридоре шестого класса. А, и еще странная девушка, с которой Чарли водил дружбу последнюю пару лет.

– Очень оперативно, мистер Фредерикс, спасибо.

Появился чай, его принес незнакомый мальчик.

– Я поухаживаю, давайте? – предложил Себастьян.

Джаз никак не могла понять, чем этот человек ее раздражает.

– Благодарю. – Она приняла чашку, сделала глоток. – Как по-вашему, Чарли пользовался у ребят популярностью?

– Он был настоящим лидером, чем вызывал немалое уважение, хотя и некоторую неприязнь тоже. Вокруг Чарли постоянно крутилась группка почитателей. В основном регбисты, по правде говоря. Купались в лучах его славы. Однако кое-кто считал Чарли довольно грубым и самовлюбленным. Такие ребята его сторонились.

– Я вижу, старостой он не был. Хотя, казалось бы, должность как раз для человека с подобными лидерскими качествами.

– Наверное, директор опасался, что Чарли может ею злоупотребить, – осторожно пояснил Себастьян.

– Понятно.

Джаз вздохнула – ей бы очень хотелось испытывать к жертве более теплые чувства, чем сейчас, но...

– Давайте поговорим о той ночи, когда Чарли умер. У сестры-хозяйки был выходной. Значит, в общежитии оставались вы?

Красноватое лицо Фредерикса стало еще краснее.

– Э-э, ну, тут такое дело... Собственно говоря, не оставался, нет.

– Где же вы находились?

– Я отсутствовал, – кивнул он. – Да, отсутствовал.

– Если вы отсутствовали и сестра-хозяйка тоже, то кто же в тот вечер отвечал за Флит-Хаус?

Фредерикс придвинулся ближе и доверительным тоном сообщил:

– Видите ли, инспектор Хантер, ситуация деликатная. Я *должен* был находиться здесь. По правилам школы, в общежитии всегда полагается присутствовать двум сотрудникам. Я оставил старшим нашего куратора, Хью Данмана, одного на несколько часов. – Фредерикс пожал плечами. – Отлучился по срочному делу.

– Можно узнать, по какому?

– Э-э... нет, боюсь, нельзя, дело личное, но мистер Данман подтвердит, что я вернулся к полуночи.

- В котором часу вы покинули общежитие?
- Около семи тридцати.
- Тогда могу ли я поинтересоваться, кто в тот вечер положил таблетки эпилима на тумбочку Чарли Кавендишу? Раз ни вас, ни сестры-хозяйки не было?
- Это сделал я, перед уходом. Примерно в семь пятнадцать отнес таблетки в комнату Чарли.
- Вы оставили их у кровати, как обычно, рядом со стаканом воды?
- Да. Чарли как раз был у себя. И, между прочим, все видел. Хотя теперь мне это не поможет, – констатировал Фредерикс.
- Вы часто навещаетесь к шкафчику с лекарствами и даете мальчикам рецептурные и прочие лекарства?
- По мере необходимости. У нас с сестрой-хозяйкой у каждого свой ключ. Мы оба записываем, что именно и в какое время взяли, и потому не путаемся.
- А в тот вечер, когда и вы, и сестра-хозяйка отсутствовали?
- Я отдал свою связку мистеру Данману, на ней же и ключ от шкафчика с лекарствами.
- Мистер Фредерикс, поскольку вы торопились по своему срочному делу, вы не могли случайно перепутать аспирин с эпилимом? – Джаз извлекла из кармана таблетки, опустила на столик. – Как видите, они почти одинаковые.
- Фредерикс был потрясен.
- Инспектор Хантер, признаю, в ту ночь я совершил ошибку, покинув Флит-Хаус, но, уверяю вас, я чрезвычайно осмотрителен во всем, что касается мальчиков и их лекарств, особенно Чарли Кавендиша. Я прекрасно знал о его аллергии на аспирин. Кроме того, анальгетики и рецептурные препараты хранятся на разных полках, так что я никак не мог перепутать.
- Тогда, чисто из интереса, скажите, где здесь аспирин, а где эпилим?
- Воспитатель присмотрелся и указал на две таблетки без надписи.
- Это эпилим. А с цифрами – аспирин. – Он с некоторым вызовом глянул на Джаз. – Довольны?
- «То, что ты их различаешь, тебя не спасет», – подумала та.
- Да. Значит, мистер Фредерикс, вы не готовы поведать мне о своем местонахождении в ночь смерти Чарли?
- К сожалению, не могу, – подтвердил он.
- Должна заметить, что это лишает вас алиби – или свидетелей, которые подтвердили бы вашу версию.
- Себастьян Фредерикс нахмурился:
- Они ведь мне вряд ли понадобятся? К тому же Хью Данман поручится за то, что я ушел и вернулся к полуночи.
- Во Флит-Хаусе есть черный ход? – спросила Джаз.
- Что? Думаете, я покинул общежитие, а затем пробрался обратно и убил беднягу Чарли?! – Фредерикс потемнел от гнева.
- Нет, я просто спрашиваю, есть ли тут черный ход. Есть?
- Да, есть. Могу показать, если хотите. Еще есть пожарная лестница, она идет от самого верха здания до низа. Послушайте, инспектор Хантер, позвольте кое-что прояснить раз и навсегда. Я как никто подавлен случившимся. В данных обстоятельствах я был сильнее всех заинтересован в том, чтобы с головы Чарли Кавендиша и волосок не упал!
- В каких именно «обстоятельствах», мистер Фредерикс?
- Тот смутился, праведный гнев утих.
- В очевидных, конечно же. Я воспитатель Чарли, заменяю здесь родителей – *loco parentis*. Я отсутствовал, когда Чарли умирал, и этот факт на всю жизнь останется на моей совести.

Да и будущая учительская карьера... Смерть вверенного мне мальчика вряд ли улучшит мою репутацию, согласны?

– Пока, пожалуй, все. Благодарю за уделенное время. – Джаз спрятала в карман таблетки и список друзей Чарли, подготовленный Фредериксом. – Еще одно: Рори Миллар, он ведь в этом общежитии?

– Да. Почему вы спрашиваете?

– Я сегодня видела его отца, Дэвида Миллара. Тот считает, что сын чем-то расстроен. Как он?

– Случившееся выбило из колеи всех обитателей Флит-Хауса, инспектор Хантер. Рори – мальчик чувствительный, и, возможно, смерть Чарли расстроила его сильнее, чем других, – ответил Фредерикс, медленно подбирая слова.

Провожая Джаз к двери, он вновь нацепил на себя маску фальшивого обаяния.

– Если смогу помочь чем-нибудь еще, обращайтесь.

– Да, сможете. Пригласите, пожалуйста, Рори Миллара в свою гостиную завтра утром, к восьми тридцати. Спасибо, мистер Фредерикс, до завтра.

Очутившись на улице, Джаз услышала громкий звонок. Из зданий вокруг часовой лужайки посыпали дети. Джаз обошла Флит-Хаус в поисках черного хода. Повернула ручку – заперто. Глянула на часы и поспешила в класс к сержанту Майлзу. Половина шестого, пора выслушать доклад и ехать домой.

* * *

Сержант Роланд складывал портфель и уже собирался уходить.

– Уделите мне две минуты. Хочу услышать, что поведала вам сестра-хозяйка, – попросила Джаз, устраиваясь на краешке стола.

– Конечно, мэм. – Роланд достал из портфеля блокнот, заглянул внутрь, прокашлялся. – Вы, наверное, уже в курсе, что в ночь происшествия сестра-хозяйка в общежитии отсутствовала. В тот вечер ей полагался выходной.

– Где она была?

– Я как раз хотел сказать. Она пошла на концерт церковного хора в часовню. Концерт начался в семь тридцать и закончился в девять. По дороге сюда я заглянул к школьному священнику, и тот подтвердил: он видел, как сестра-хозяйка входила в часовню и как выходила. Священник встречает и провожает всех в дверях, – добавил Роланд.

– Вы спросили, куда она отправилась после концерта?

– Конечно. Отправилась в город, поужинала в гостинице «Три лебедя». Я, разумеется, уточнил это у персонала гостиницы. Затем, по словам сестры-хозяйки, она пешком вернулась в школу и оказалась во Флит-Хаусе около половины одиннадцатого. Поднялась в свою квартиру на верхнем этаже. Утверждает, что ничего не слышала. Это логично, квартира расположена в противоположном конце коридора от спальни Чарли. Однако именно сестра-хозяйка наутро обнаружила Чарли и подняла тревогу.

– Спасибо. Ах да, пока вы еще тут... Не подскажете, как найти вот эту дорогу? – Джаз протянула клочок бумаги с адресом от руки.

– Конечно, мэм, это совсем рядом. – Роланд написал указания и ориентиры.

– Спасибо. Увидимся завтра в восемь.

– Доброй ночи, мэм. – Он кивнул Майлзу и удалился.

– Я тоже устала, – вздохнула Джаз. – Как вам мысль поесть в городе, в вашем отеле, и за ужином обсудить факты?

– Мысль хорошая.

Майлз закрыл ноутбук и следом за начальницей вышел из класса. Та заперла дверь, сунула ключ в карман пальто.

– Знаете, в чем беда? Если я права и эпилим подменили аспирином специально, то за четыре часа во Флит-Хаус мог зайти кто угодно и сделать свое грязное дело. На двери кодовый замок, но код совсем не тайна: там живет восемьдесят мальчишек, они бегают туда-сюда сто раз на дню, плюс сотрудники... Есть еще черный ход, я проверила. Через него тоже мог войти любой.

– Говорю же, иголка в стоге сена, – заметил Майлз по дороге к машине.

– Воспитатель Себастьян Фредерикс утверждает, что оставил таблетки у кровати Чарли примерно в семь пятнадцать, причем в присутствии покойного. Надо выяснить, во сколько Чарли ушел в паб с друзьями, но пока предположим, что в половине восьмого – восемь. Он принял таблетки между одиннадцатью пятнадцатью и одиннадцатью тридцатью. Получается почти четыре часа, в этот промежуток и могли подменить таблетки.

Майлз открыл пассажирскую дверцу, Джаз села.

– Вы упорно развиваете идею о том, что таблетки подменили в общежитии. – Он завел машину. – Как вам другая версия? Чарли купил в пабе некое незаконное вещество. Например, экстази. Дилер надул паренька и продал ему старый добрый аспирин. – Майлз сдал автомобиль назад.

– Мне как-то не верится, что в таком городке продают тяжелые наркотики.

– Ну и кто из нас корчит крутого горожанина, мэм? Наркотики повсюду. Особенно в тех кругах, где у деток есть на это деньги.

– Аргумент принимается, – кивнула Джаз. – Однако мать вбивала Чарли в голову: *любое* неизвестное лекарство может оказаться смертельным, а эпилептику нельзя даже прикасаться к психотропным веществам. Сомневаюсь, что он рискнул бы.

– Чарли было восемнадцать, и, судя по рассказам, он любил потусить. Вряд ли мамочки наставления имели над ним власть. Подросток, что вы хотите. Они все ищут острых ощущений.

– Предположим, вы правы, – рассуждала Джаз. – Зачем тогда Чарли ждал до возвращения к себе? Если у них в компании принимали наркотики, то глотали бы их сразу, это развлечение коллективное. Слушайте, – Джаз вынула из кармана бумажный клочок. – Вы не против отложить пиво ненадолго? Хочу навестить Хью Данмана, куратора Флит-Хауса. Вдруг он заметил в ту ночь в общежитии что-нибудь подозрительное? Бедняга – подставил его мистер Фредерикс своим бегством по таинственному делу.

– Обычно таинственные дела означают роман с тем, с кем заводить романы нельзя. Фредерикс ведь у нас холостяк, да? Направо или налево к вашему куратору?

– Э... тут налево, говорит Роланд. – Джаз указала Майлзу на узкую дорогу. – Фредерикс определенно что-то скрывает. Важно, имеет ли это «что-то» отношение к расследованию? Здесь направо. – Джаз выглянула в окно. – Номер двадцать четвертый, а нам нужен тридцать шестой.

Остановились у коттеджа с террасой, вышли из машины. Джаз толкнула калитку, отметила про себя красивый ухоженный сад. Громко постучала в дверь.

– Он может и не открыть, если болеет. Лежит себе на втором этаже, – подсказал Майлз, когда Джаз постучала вновь.

– Может, но я хотела бы пообщаться сегодня.

Джаз нагнулась и, открыв прорезь почтового ящика, заглянула внутрь. Увидела развернутое к камину кресло, свисающую с него руку.

– Он тут, только спит. – Джаз приложила губы к прорези, окликнула: – Мистер Данман, полиция! Простите за беспокойство, надо поговорить. Мистер Данман?

Ответа не последовало. Джаз вопросительно глянула на Майлза.

– Может, он глухой? – предположил тот.

Джаз вновь заглянула в прорезь, присмотрелась. Безжизненное положение руки, свисающей с подлокотника кресла, подсказало, что отнюдь не глухота мешает Хью Данману открыть дверь.

Джаз резко выпрямилась. Бросила сержанту:

– Нет, не глухой. Ломайте дверь, Майлз. Похоже, у нас еще один труп.

Глава седьмая

Анджелина Миллар помешала жаркое из ягненка, добавила специй. Вернув казанок в печь, с удовлетворением оглядела стол, накрытый на двоих, с букетом первых тюльпанов в центре. Очень по-весеннему.

Перед уходом оценила кухню, убедилась, что все готово, и отправилась в санузел на первом этаже проверить макияж и прическу.

Как всегда, безупречна... Из зеркала на Анджелину смотрело красивое кукольное лицо, и она в который раз порадовалась: чтобы подчеркнуть большие голубые глаза и полные губы, ей до сих пор хватает чуточки туши и капельки помады.

Возможно, в будущем Анджелине придется прибегнуть к ботоксу, как уже делают многие подруги, но пока она выглядит моложе своих тридцати восьми лет.

Анджелина заглянула в гостиную – отлично, огонь в камине по-прежнему весело потрескивает – и, вернувшись в кухню, решила скрасить ожидание бокалом вина. Джулиан обещал приехать в восьмом часу, все готово, и Анджелина заслуживает выпить.

Она прихватила вино в гостиную и села на угол широкого дивана, стараясь не измять подушку за спиной. Поправила стопку журналов «Дом и сад» на отполированном до блеска столике, с гордостью посмотрела вокруг.

Любой, кто попадал в дом, отмечал эту восхитительную комнату. Несмотря на большие размеры, она получилась уютной и теплой – благодаря Анджелине. Вообще, ей делали столько комплиментов по поводу убранства дома, что она решила заняться дизайном интерьеров профессионально. Наметила себе курсы на лето – не потому, что там ей могли рассказать об интерьерах нечто новое, а потому, что потенциальным клиентам наверняка будет важно наличие у дизайнера сертификата.

Анджелина даже получила заказ от одной из подруг на оформление загородного дома, купленного в качестве инвестиции, и уже предвкушала, как станет рыться в антикварных лавках и выбирать ткань для штор.

Очень кстати, особенно теперь, когда Рори по будням живет в школе, а Джулиан приезжает поздно и не всегда остается на ночь. Занявшись дизайном, Анджелина получит и удовольствие, и финансовое вознаграждение, да к тому же заполнит чем-то свободное время.

Она с наслаждением отпила вина и позволила себе улыбнуться – как чудесно сложилась жизнь! Красивый дом, ребенок, богатый успешный мужчина рядом.

Пока что им надо соблюдать осторожность, быть дальновидными. Карьере Джулиана и репутации самой Анджелины вовсе не пойдет на пользу, если станет известно о ее романе с адвокатом, который пусть и не представлял Анджелину, но консультировал ее по поводу развода.

Даже тут все сложилось удачно. Она уже почти решилась объявить Дэвиду, что уходит от него к Джулиану, как вдруг Дэвид потерял работу и самообладание – и накинулся на Анджелину.

Едва полицейские увезли Дэвида, она в ужасе позвонила Джулиану, и тот взял руководство в свои руки.

Предложил ей выдвинуть против Дэвида обвинение в нападении. Анджелине было не по себе, она ведь понимала, отчего муж так разъярился, но Джулиан настаивал – это станет отличным основанием для развода и одновременно сохранит ей репутацию.

В социальных кругах, где вращаются и она, и Джулиан, будут сочувствовать не «бедняге Дэвиду», которого обожаемая супруга бросила ради другого мужчины, а Анджелине, несчастной жене, живущей с буйным алкоголиком. И вынужденной развестись с ним, чтобы защитить себя и сына.

Поначалу она испытывала сомнения, но наутро, когда Дэвид явился к дому и разбил окно, Анджелина испугалась по-настоящему. Джулиан вновь посоветовал выдвинуть официальное обвинение – да еще и с судебным запретом. На этот раз она без колебаний попросила своего адвоката дать делу ход.

Анджелина предполагала, что ради ухода от Дэвида ей придется пожертвовать любимым домом. Однако Джулиан предложил другое: он разделит закладную с Анджелиной, покроет выплату Дэвиду за счет продажи своего нынешнего дома, а сам переедет к ней.

Та пришла в восторг, а отказ от обвинений в обмен на быстрый развод помог ей успокоить совесть. Анджелина, конечно, мечтала расстаться с Дэвидом, но наградить его судимостью за преступление, которого тот не совершал, было бы подло.

Анджелина испытывала к нему сочувствие – впрочем, оно не мешало ей спать по ночам. Дэвид оказался неудачником, и она радовалась, что его больше не придется тащить за собой.

Теперь у нее был мужчина с честолюбием под стать ее собственному. Он желал иметь все самое лучшее и праздновать достижения, тратя заработанные нелегким трудом деньги.

Они договорились устроить большую вечеринку – отметить свое партнерство и сорокалетие Джулиана. Анджелина всю занималась подготовкой, обзванивала музыкальных агентов и компании по обслуживанию торжеств. Джулиан давал ей полный карт-бланш, не ограничивал в средствах – лишь бы праздник удался на славу. Она планировала даже съездить в Лондон и купить потрясающее платье.

Губы Анджелины тронула легкая улыбка – да, жизнь складывается чудесно.

В бочке с медом имелась лишь одна ложка дегтя – Рори. Сын.

Анджелина была любящей матерью. Ее очень огорчали страдания Рори из-за развода родителей. Отца с сыном связывали теплые отношения, она видела их сходство. После известия о том, что папа больше не вернется домой, Рори проплакал всю ночь.

После чего закрылся, захлопнул створки раковины. Приезжая домой на выходные, он почти не разговаривал, общался лишь на самые необходимые темы: про еду, домашние дела.

Анджелина понимала, что сообщать мальчику о Джулиане слишком рано. Хранить тайну было трудно, но возможно, ведь Рори проводил все будние дни и ночи в школе, а раз в две недели уезжал на выходные к отцу.

И вот несколько дней назад Джулиан заявил, что пора рассказать Рори. Ему, видите ли, надоело прятаться по углам, как вороватому подростку. Он хочет въехать в дом, за который платит по закладной бешеные деньги, выложить все начистоту Рори – и миру. Он, Джулиан, забронировал для них троих горнолыжный отель, скоро ведь короткие каникулы посреди семестра.

– На склонах мы с Рори сблизимся, – заключил он.

Анджелина содрогнулась при мысли о том, что совершенно не спортивного Рори будет учить кататься на лыжах тренированный Джулиан.

Тем не менее признала – Джулиан прав. Рори, которому через пару месяцев исполнится четырнадцать, уже довольно взрослый, он справится.

В ближайшие выходные Анджелина скажет сыну, что вместе с ними каникулы проведет ее «друг».

Хлопнула задняя дверь, Анджелина встала. В кои-то веки Джулиан вовремя. Она допила вино, еще раз бросила взгляд на свое отражение в зеркале над камином.

По каменной плитке пола в коридоре простучали шаги. Дверь гостиной открылась.

– Милый, я...

Рука Анджелины взлетела ко рту – она увидела, кто именно вошел в комнату, оставляя за собой грязные следы на светлом зеленовато-голубом ковре.

– Привет, Анджи. Я приехал насчет Рори.

Гость приближался. Она попятилась, уперлась спиной в книжный шкаф.

– Прекрати пугаться. Я ничего тебе не сделаю. Хочу просто поговорить о Рори. Проклятая школа не разрешает мне с ним увидеться, а я схожу с ума от беспокойства.

Анджелина уловила резкий запах.

– Ох, Дэвид, я думала, ты завязал со спиртным, а ты пьешь!

– Увы, не допьяна. – Дэвид отошел. – Слушай, перестань так на меня смотреть, я не Джек-Потрошитель. С твоей головы и волос не упадет. Пусть мы и разведены, но у нас общий ребенок. А у него какие-то проблемы.

Анджелина потихоньку пробралась к дивану и опасливо присела на край. Дэвид выглядел ужасно. Явно давно не брился и не мылся; отросшие волосы свисали вдоль лица жирными прядями.

– Дэвид, послушай, тебе нельзя вваливаться сюда без приглашения. Это больше не твой дом, – начала она. – В следующий раз позвони, пожалуйста, и мы договоримся где-нибудь встретиться.

– Анджи, вот не надо. Ты почти никогда не отвечаешь на мои звонки – и уж точно не появишься вместе со мной на людях, даже под страхом смерти. Что мне остается делать? Бросить нашего сына, пусть страдает, раз его мать со мной не общается?

Она промолчала.

– Выпить не предложишь?

– Дэвид... я...

Он уже вышел из гостиной и вернулся с вином, которое Анжелина купила за немалые деньги специально для сегодняшнего ужина. Дэвид откупорил бутылку, плеснул в бокал.

– Мне пришлось выпить, чтобы набраться мужества и приехать сюда. – Дэвид сделал большой глоток. – Весьма недурно. Ждешь кого-то? Вижу, стол накрыт *à deux*. Завела ухажера?

– Нет... Я... Да. Послушай, это не твое дело. Говори, что хотел, и уходи. – Анжелина бросила нервный взгляд на часы.

– Пару дней назад Рори мне звонил. Очень расстроенный.

– Правда? В пятницу я видела его на концерте в часовне, все было хорошо. В субботу утром Рори прямо из школы уехал на Хоровой фестиваль независимых школ. Что он тебе сказал?

– Мол, его некому защитить. – Дэвид сделал очередной глоток, долил бокал доверху. – О чем он? Не понимаю. А ты?

– Понятия не имею, Дэвид. – Анжелина встревоженно нахмурилась.

– В пятницу вечером я попытался найти Рори в школе, но его не оказалось в общежитии.

– Потому что он пел в часовне, Дэвид.

– Я оставил сообщение директору и этому их паршивому воспитателю. Никто не перезвонил. Тогда я опять поехал в школу сегодня утром, потребовал встречи с Рори, но директор, мерзавец, отказал. Боже! Я злой до чертиков. – Дэвид осушил бокал и вновь его наполнил.

Анджелина увидела Дэвида глазами директора: пьяный, агрессивный, врывается в школу, требует сына...

– Как только ты уйдешь, я позвоню во Флит-Хаус, узнаю, как Рори. К тому же он на днях приедет домой, поговорю с ним.

– Анджи, пожалуйста, позвони сейчас!

– Сразу после твоего ухода. Затем перезвоню тебе, обещаю. А теперь, Дэвид...

– Директор сказал, что Фредерикс велит Рори позвонить мне сегодня вечером, но, судя по их отношению, рассчитывать на это не стоит. – Дэвид расхаживал по комнате, не слишком твердо держась на ногах. – Нутром чую, что-то неладно. Обещаешь позвонить?

– Конечно, – мягко заверила Анжелина. – Обещаю.

– Его там обижают, травят, как думаешь?

– Не знаю. Возможно, Рори переживает из-за того мальчика, который умер в школе от эпилептического припадка?

– И я не знаю, но мы должны выяснить. – Дэвид остановился, посмотрел на бывшую жену. – Анджи, я понимаю, у нас все пошло наперекосяк, но ради Рори давай попытаемся наладить хотя бы мало-мальское общение?

Анджелина кивнула:

– Хорошо.

Она вновь глянула на часы, поднялась с дивана, на смену хрупкому перемирию пришло нетерпение.

– Я жду гостя с минуты на минуту. Тебе лучше уйти.

Дэвид грустно ответил:

– Ну конечно, ждешь. – Он неожиданно стукнул бокалом о стол. – Я сюда не вписываюсь, да? Вот такой, злой, отчаявшийся... Ты не любишь, когда что-то выходит из-под контроля, да, Анджи?

– Дэвид, прошу, не надо.

– Чего «не надо»? Говорить правду? Что я делал не так, Анджи? Был добрым, внимательным, никогда не изменял, купил тебе дом твоей мечты...

– Пожалуйста, уходи. Я...

– Я любил тебя, старался исполнять все твои желания... – Он взял с каминной доски статуэтку. – Помнишь, как я купил тебе это? На нашу... шестую годовщину. Заплатил целое состояние. – Дэвид вернул статуэтку на место, она опасно закачалась на краю. – Я хотел лишь одного: сделать тебя и Рори счастливыми.

Анджелина услышала, как к дому подъехала машина.

– Дэвид, уходи!

– Ладно, ладно. Ухожу, не волнуйся. Позвони мне. Обещаешь?

– Да.

– Спасибо. Хотя мне и пришлось отказаться от любви к тебе, это не означает, что я перестал любить сына.

Дэвид повернулся к двери, его качнуло, он задел рукавом куртки статуэтку, та упала в камин и разбилась.

– О боже, я... прости, пожалуйста... – Дэвид бросился собирать осколки. – Я куплю новую...

Чьи-то сильные руки вдруг подхватили его под локти и грубо поставили на ноги.

– Какого ЧЕРТА ты в моем доме?! Опять угрожаешь бывшей жене? А осколки – хочешь ее порезать?!

Дэвида поволокли к дверям.

– Забыл, чем кончилась твоя прошлая попытка сюда вломиться?!

– Джулиан, все в порядке, правда. Дэвид заехал поговорить о Рори. Не угрожал мне и как раз собирался уходить...

Однако Джулиан был уже в коридоре, тащил незадачливого Дэвида к парадной двери. Распахнув ее, Джулиан с силой вытолкнул Дэвида на улицу. Тот потерял равновесие и рухнул на клумбу с розами у входа.

Тяжело дыша от натуги, Джулиан пригладил волосы, одернул костюм. Дэвид попытался встать.

– Клянусь: еще раз увижу тебя возле этого дома – и швырну тебе в лицо новый судебный запрет, ты и глазом моргнуть не успеешь. А сыну моему расскажу, что отец у него – жалкий забулдыга!

Хлопнула дверь, и Дэвид остался один в темноте. Голова кружилась от спиртного и потрясения; палец, наколотый о розовый шип, кровоточил. Дэвид неуверенно побрел к воротам поместья. По щекам текли слезы, сдержаться не получалось.

– О боже, о боже, – бормотал он, открывая машину.

Дэвид упал на водительское сиденье, обхватил голову руками.

Джулиан Форбс, наглый проныра-адвокат, которого Дэвид иногда встречал на вечеринках, спит с его бывшей женой...

Живет в доме Дэвида, нежится в его постели и, хуже всего, имеет неограниченный доступ к Рори. Доступ, которого у самого Дэвида нет.

А еще... Остывший от спиртного разум искал объяснение, оно было рядом, только руку протяни...

Вдруг человек, которого боится Рори, это Джулиан?

Дэвид уткнулся пульсирующим лбом в руль. Полный кошмар. Хуже некуда.

* * *

Джаз возвращалась домой, в свой коттедж. Ее вез Майлз, а она разговаривала по телефону с Нортонем:

– Тело забрали, патологоанатом пообещал поставить мистера Данмана в начало очереди. До вскрытия нельзя утверждать точно, но, судя по всему, это обычное самоубийство.

– Вам нужны люди в помощь? – спросил Нортон.

– Завтра утром приедут криминалисты из Нориджа, бегло осмотрят комнату Кавендиша. Хотя вряд ли там что-нибудь осталось. В комнате сделали уборку. Их следовало вызвать сразу.

– Тогда никто не думал ни о чем криминальном, считали смерть естественной.

– Просто это усложняет работу, сэр. Вы же знаете, насколько при расследовании убийства важны первые сутки.

– Убийства?

– Простите, сэр, я забегаю вперед. Однако после смерти Хью Данмана не надо быть гением, чтобы сообразить: дело нечисто.

– Считаете, обе смерти как-то связаны?

– Если нет, то совпадение бесподобное. Все же не буду заниматься домыслами, пока не раздобуду факты. Их пока катастрофически не хватает. В общем, как только криминалисты закончат с комнатой Кавендиша, я отправлю их в коттедж Хью Данмана.

– Главный вопрос: долго ли мы сумеем скрывать все от прессы? Одна смерть, которую пока считают случайной, тревожит и удручает, но две смерти вызовут массовую панику в школе и среди родителей.

– Данман, по крайней мере, умер вне территории школы.

– Верно, однако, если там творятся черные дела, можем ли мы подвергать риску столько детей, Хантер?

– Нет. Отчет о вскрытии Данмана нужен как можно скорее.

– Вы сообщили о Данмане директору?

– Да. Позвонила десять минут назад. Сами понимаете, он очень обеспокоился. Мягко говоря. Я встречаюсь с ним завтра с самого утра.

– Держите меня в курсе, Хантер. Простите, что подсунил вам очередной труп в первый же день после отпуска.

Джаз представила, как Нортон усмехается.

– В результате я не успела вовремя домой и не написала «Мону Лизу», сэр.

– Увы. Ну, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Майлз остановил машину перед коттеджем.

– Спасибо, что подвезли. Надо бы пригласить вас на чашечку кофе, но я как выжатый лимон.

– Вы, мэм? Устали? Быть не может.

– Ничего, я скоро войду в колею, но сегодня – ванна и баиньки. Заберите меня завтра в семь, хорошо?

– Хорошо. А я, пожалуй, поищу злые места Фолтсхэма. – Майлз подмигнул.

– Может, поищете одно конкретное злое место? То, куда в вечер смерти ходил Чарли с приятелями? Поболтайте с хозяином, расспросите.

– Задача не из простых, мэм. Для маскировки придется выпить мно-ого пива.

– Вы справитесь, я в вас верю. До завтра. Спокойной ночи.

* * *

Лежа в ванне, Джаз размышляла над событиями дня.

Мог ли Хью Данман, неожиданно оставшись за главного во Флит-Хаусе, случайно или намеренно заменить эпилим Чарли аспирином?

Если найти мотив и доказать виновность Данмана, дело окажется совсем простым.

Джаз вздохнула. Вылезла из ванны, схватила полотенце и, покрывшись мурашками, перебежала через неотапливаемую лестничную площадку в спальню.

Когда это Джаз попадались простые дела?

Хотя должны же они существовать...

Она надела халат и спустилась на первый этаж. Огонек автоответчика мигал. На нем были сообщения от сантехника, дизайнера и отца, желавшего услышать подробности ее первого дня на старой работе.

Джаз набрала номер родителей:

– Пап, это я. Ага, хорошо, но боже, как я устала! В пять тридцать обнаружила еще один труп, так что дело набирает обороты.

– Как?! В сонном Норфолке? Ну, для тебя все звезды сошлись, милая. Рада возвращению?

– Пойму через несколько дней, а пока я просто выжатый лимон.

– Верю. И, между прочим, считаю, что ты приняла правильное решение. Приедешь к нам в воскресенье на обед? Заодно все расскажешь.

– Я бы с радостью, но посмотрим, как пойдут дела.

– Конечно. Только, знаешь, ко мне тут сегодня забегал один малый. Зовут Джонатан Скотт, пишет докторскую по преступности в современной Британии. Он прослышал в университете, что моя дочь – детектив Скотленд-Ярда, и воспыал желанием взять у тебя на днях интервью.

– Я буду страшно занята, пап.

– Понимаю, но, может, уделишь Джонатану часик в воскресенье, после того как насладишься ногой ягненка в мамином исполнении? Ужасно милый молодой человек. Тебе понравится.

– Ты что, хочешь нас свести?!

– Бог с тобой, нет. Да и вообще, он младше тебя на несколько лет.

– И не позарится на дряхлую старую деву?

– Совершенно верно.

– Спасибо, папа. Умеешь ты поддержать мой моральный дух, просто чудеса с ним творишь. Как твое самочувствие, кстати?

– Бодр и весел, как всегда.

- Хорошо. Если расследование не мешает, в воскресенье буду у вас.
- Жду с нетерпением, золотко. Береги себя.
- Поцелуй маму. Спокойной ночи, пап.

Джаз выключила свет и устало побрела на второй этаж. Укладываясь, она вдруг сообразила, что сегодня впервые за последние семь месяцев ни разу не вспомнила бывшего мужа.

Глава восьмая

Лицо Роберта Джонса было необычного цвета. Джаз заметила бусинки пота у него на висках.

– Я крайне встревожен, инспектор Хантер. Крайне встревожен. Одну смерть, вполне вероятно случайную, мы еще переживем, но *две*... Две – уже опасно.

– Понимаю, мистер Джонс. Положение весьма неприятное. Если вас это немного успокоит, мы уверены, что мистер Данман совершил самоубийство.

– Ну, хоть что-то, – согласился директор.

– Разумеется, мы не можем дать официального подтверждения до окончания вскрытия, – добавила Джаз.

– Разумеется. Значит, просто несчастливое совпадение?

– На этот вопрос я пока ответить не могу, увы. Скажите, а мистер Данман и Чарли Кавендиш ладили?

– Знаете... они, попросту говоря, отличались как день и ночь. Чарли – совсем не привереженец учебы, этакий свой парень, шумный и беспокойный. Хью, напротив, кроткая душа, человек старой формации. В молодости он преподавал латынь в Оксфорде. Вел тихую жизнь в окружении книг, много переводил для Британской библиотеки. Я часто задавался вопросом, что Хью вообще делает здесь, в нашей школе. Он ведь был признанным экспертом по латинским рукописям четырнадцатого столетия.

– В школе его любили?

– Да, очень, – ответил директор. – Никто о нем дурного слова не говорил. Добрейший человек, пусть чуточку и не от мира сего, и отличный наставник, особенно для мальчиков помладше, которые впервые оторвались от дома. Хью с готовностью выслушивал их проблемы.

– У него была семья?

– Он жил один. По-моему, никогда не состоял в браке. Что же до других родственников... – Роберт Джонс пожал плечами: – Я понятия не имею. Он держался сам по себе, не стремился общаться с коллегами.

– Тогда попробуем отыскать ближайших родственников при помощи компьютеров.

– Жаль, что я не могу вам помочь. В личном плане Хью был настоящей загадкой.

– Вы не замечали в нем каких-нибудь перемен в последнее время? Он не казался подавленным?

– Нет, однако Хью никогда не проявлял чувств. В его умной голове могло происходить что угодно, но что именно, никто не знал.

– Вернемся к моему вопросу, – кивнула Джаз. – Значит, Чарли с Хью не особенно ладили?

– Первое время Хью был куратором Чарли, но через несколько недель мы сменили ему наставника. Они друг с другом совершенно не уживались. Чарли... бывал заносчив и порой агрессивен. Хью, извечный пацифист, оказался не в состоянии работать с таким типом личности, и мы передали Чарли Себастьяну Фредериксу, что принесло куда больше пользы.

– Понятно. – Джаз облокотилась о стол, подалась ближе. – Мистер Джонс, ответьте, пожалуйста, честно: Чарли Кавендиш издевался над детьми, травил их?

Наступила тишина, затем послышался вздох, после чего директор сказал:

– У Чарли была определенная репутация, да. Намеренно ли он так себя вел, не знаю, но Чарли действительно донимал некоторых младших мальчиков, особенно новичков. Он не любил слабаков и нытиков, считал своим долгом их закалять. Однако повторяю, инспектор Хантер, в целом травли в школе нет. Мы такое строго отслеживаем. Чарли был единичным случаем и несколько раз получал выговор.

– То есть он занимался травлей. Трудный подросток, судя по всему, – заключила Джаз.

– Да, Чарли был одним из самых сложных наших учеников, но мы вынуждены работать с тем материалом, который дают. Родители баловали Чарли с самого рождения. Он... не мог усвоить понятие границ.

– Еще один вопрос. – Джаз положила на стол пластиковый вкладыш для карточек. – Вам знакомо это лицо?

Директор поднял маленькое фото, взгляделся.

– Снимок совсем выцвел. Хотя лицо действительно кажется знакомым.

– Фотография была под креслом, в котором обнаружили Хью Данмана. Возможно, он держал ее в руках – и выронил, когда потерял сознание. Значит, вы не можете сказать, кто это?

– Нет. – Джонс вновь присмотрелся к ангельскому личику с точеными чертами в обрамлении длинных светлых волос. – Красивая девушка, правда?

– Да, и очень юная. У меня была мысль, не дочь ли это мистера Данмана? Однако вам, конечно, ничего не известно?

– Нет. – Директор вернул фотографию. – Простите.

– Скажите, мистер Джонс, можете ли вы назвать хоть одну причину, по которой Хью Данман захотел бы убить Чарли Кавендиша?

– Что?! Хью?! Убить хоть кого-нибудь? – Джонс недоверчиво покачал головой. – Идея, честно говоря, дикая и абсурдная, совершенно абсурдная! Кроме того, я понимаю, вы расследуете смерть Чарли, однако не слишком ли рано утверждать, будто его убили?

Джаз встала. Посмотрела сверху вниз на Роберта Джонса и покачала головой:

– Мы не можем этого исключить, увы. Я перебрала все гипотезы, по которым Чарли проглотил таблетки намеренно, отлично сознавая их смертельную опасность. Факты таковы: либо он совершил самоубийство, либо кто-то подменил эпилепсией аспирин. Последнее, с моей точки зрения, называется убийством, мистер Джонс.

– Возможно, самоубийство... – едва слышно предположил директор.

– Вы и сами в это не верите, правда?

Он помолчал, затем сокрушенно покачал головой:

– Нет. Нет, не верю. Конечно, никогда нельзя быть уверенным до конца, особенно с подростками, однако, зная Чарли... Согласен – маловероятно.

– Значит, по-вашему, Хью Данман не был способен на убийство?

– Совершенно не способен, да, я так считаю.

– Вы в курсе, что в тот вечер мистер Данман оставался во Флит-Хаусе один?

– Не один, инспектор. Сестра-хозяйка действительно отсутствовала, но в общежитии был еще Себастьян Фредерикс.

– Не был. По его же признанию, он отлучился куда-то по делам, подробности которых мистер Фредерикс пока не разглашает.

– Правда? – изумился директор. – Это точно?

– Он сам сказал мне, что вечером в пятницу покинул Флит-Хаус в половине восьмого и вернулся в полночь.

– Откровенно говоря, я поражен. Таких преданных своему делу воспитателей, как Себастьян Фредерикс, еще поискать. Для него эти мальчики – смысл жизни, и он знает правила: в любой момент времени на дежурстве в общежитии должно находиться два сотрудника. Неужели Себастьян мог беззастенчиво подвергнуть опасности своих подопечных? Или улизнуть, ничего не сказав мне... Просто в голове не укладывается.

– Наверное, вам стоит узнать у него, где он был, мистер Джонс. Мне это не удалось.

– Безусловно, спрошу. – Директор глотнул воды из стакана на столе. – Боже милостивый, ситуация становится все кошмарней...

– Ну, на первый взгляд отсутствие Фредерикса обнаружилось лишь из-за смерти Чарли. Однако, если немного отмотать события, это означает, что у Хью Данмана имелась масса возможностей войти в комнату жертвы незамеченным. Затем он покончил с собой – предпочел не жить с чувством вины и не встречаться с последствиями своего преступления.

В глазах директора мелькнула искорка надежды.

– Пожалуй, такой сценарий вероятен.

– Пять минут назад вы твердили, что Данман не способен на убийство и думать иначе – абсурд.

– Я ведь знал Хью не очень хорошо... почти не знал... Я... Нет. – Роберт Джонс вздохнул. – Как бы мне ни хотелось поскорее избавиться от этого кошмара, картинка не складывается. За свою долгую кураторскую карьеру в Святом Стефане Хью имел дело со многими трудными ребятами. Вряд ли несхожесть характеров толкнула бы его на убийство.

– А если существовала другая причина, о которой мы не знаем?

Роберт Джонс стиснул ладони.

– Мне ничего подобного не известно. Детектив у нас вы, инспектор Хантер. – Он вздохнул. – Когда вы планируете сообщить миру о смерти Хью Данмана? Представляете, какой переполох поднимут родители, услышав о новом инциденте? Потребуют объяснить, что за чертовщина тут творится, и будут правы.

– Мы не собираемся разглашать информацию прессе еще несколько дней, пока не получим результаты вскрытия мистера Данмана. Однако учтите – среди вас все еще может скрываться убийца.

– Весьма сомнительно, правда?

Джаз ответила, тщательно подбирая слова:

– Мистер Джонс, школа – ваша. За благополучие сотрудников и учеников отвечаете вы. Я не вправе давать советов, могу лишь делиться информацией, собранной в ходе расследования, но решение о том, следует ли закрыть школу, принимать вам.

– Однако совет мне точно нужен. По-вашему, я подвергаю жизнь людей опасности? Если мы закроемся, школе конец, понимаете? По-настоящему конец.

– Если хотите оставить школу открытой, я бы предложила вам собрать персонал и старост – и сообщить им, что смерть Чарли – не несчастный случай. Взрослые впадают в панику не хуже детей, поэтому постарайтесь не нагнетать. Даже если Чарли все-таки убили, то это, скорее всего, личная месть, а не работа серийного убийцы.

– Боже милостивый! Вы пугаете *меня*, инспектор, что уж говорить о моих сотрудниках.

Джонс вскочил и принялся расхаживать по узкому пространству за столом.

– Пусть сотрудники предупредят всех старшеклассников, чтобы те на ночь запирались, а с младшими учениками, которые живут по несколько человек в комнате, пусть спит кто-то из сотрудников или староста. Я организую полицейских, они будут постоянно патрулировать школу.

– Господи, Святой Стефан на осадном положении! Мне стоит сообщить о смерти Хью?

– Пока нет. Если кто спросит, мистер Данман дома, болеет. – Джаз одарила директора мимолетной улыбкой. – Помните, я тоже заинтересована в том, чтобы школа не закрывалась. Иначе мои подозреваемые исчезнут раньше, чем я доберусь до сути. Спасибо, мистер Джонс. Буду держать вас в курсе.

* * *

Покинув директорский кабинет, Джаз направилась через двор во временный штаб.

Майлз зевал за столом.

– Не выпались?

– Не-а. Ездил в паб, где тусуются ученики Святого Стефана, и заболтался с хозяином допоздна.

– Просто болтали?

– Каюсь, составлял ему компанию на пивном фронте. Вроде выпил только три кружки, но здешнее пиво, похоже, крепче лондонского. Я сегодня никакой.

– Это все свежий деревенский воздух, сержант Майлз. – Джаз бросила портфель у своего стола. – Ваши легкие не справляются. Что поведал хозяин?

– Ничего особенного. Подозвал официантку, работавшую в тот вечер, она вспомнила – да, Чарли заглядывал, с компанией. Он перед Рождеством крутил любовь с подружкой официантки, вот та его и узнала. В заведении обычно полным-полно старшекласников из Святого Стефана, это единственный городской паб, куда им разрешено ходить.

Джаз сняла пальто, села за стол и открыла ноутбук.

– Вы поинтересовались у хозяина насчет запрещенных веществ в его заведении?

– Да, хотя он в любом случае не признался бы. На мой вопрос сильно оскорбился, сказал, что не позволяет тут никаких наркотиков. Лично я склонен верить. Паб в хороших отношениях со школой: получает с детишек прибыль и одновременно за ними присматривает. Хозяину не выгодно рисковать.

– Постулат о том, что наркотики – дело коллективное, остается неизменным. Если бы Чарли раздобыл в тот вечер что-нибудь запрещенное, то наверняка принял бы его сразу. И отключился через несколько минут, еще в пабе.

– Чарли мог встретиться с дилером и после паба. Правда, хозяин говорит, что никаких дилеров в Фолтсхэме не знает. Однако давайте признаем, мэм, сейчас деточки достают наркотики повсюду. В пабе постоянно крутятся местные ребята. У кого-то вполне могло оказаться что-нибудь на продажу. И все же вряд ли они стали бы проворачивать такое прямо в пабе.

– Выясните, с кем именно был Чарли. По идее, он ушел из школы с приятелями. Вот. – Джаз отдала Майлзу список, подготовленный Себастьяном Фредериксом. – Это, по словам воспитателя, ближайшие друзья Чарли. Возможно, кто-то из них был с ним в пабе. Опросите одноклассников. Мнение учителей о Чарли Кавендише мы выслушали. Давайте теперь узнаем мнение сверстников.

– Хорошо, – кивнул Майлз. – Повешу на доску объявление. Только есть одно «но». – Он обвел рукой тесный душный класс. – Тут дышать нечем. Где бы мне с ними побеседовать?

– Попросите Фредерикса уступить вам свою гостиную.

– Понял.

– Вы, кстати, не видели сержанта Роланда? Мы договаривались на восемь, а уже половина девятого.

– Видел. Он пошел в комнату Кавендиша встречать криминалистов, с полчаса назад. Жаловался на зубную боль. Не самый радостный парнишка, судя по всему.

– Побегу туда, перехвачу его. Черт!

– Что, мэм?

– Я только что автоматически ввела пароль для доступа к нашим файлам – и сообразила, что здесь нет даже телефонной линии, не то что широкополосного интернета! Найдите кого-нибудь, пусть нас подключат, хорошо? Только побыстрей.

– Очень постараюсь, но особо не надейтесь.

– Хочу глянуть, есть ли у нас что-нибудь на Хью Данмана. Позвоните в управление и попросите немедленно выслать мне на электронную почту все, что они на него накопили. Тем временем найдите мне телефонную линию, ладно? Я побежала.

Майлз посмотрел, как Джаз захлопнула крышку ноутбука, и прокомментировал, блеснув глазами:

– Поневоле задумаешься, как расследовали преступления до появления технологий, правда, мэм?

Джаз повернулась уже от двери::

– Думаю, мисс Марпл читала информацию по чайным листьям. Она наверняка пила много чая. До встречи.

– Я раздобуду вам вкусных булочек на обед, можно? – крикнул Майлз в закрывающуюся дверь.

* * *

Джаз встретила криминалистов в вестибюле Флит-Хауса. Представилась главе Нориджской оперативной бригады.

– Ширли Адамс. – Та крепко пожала руку Джаз. – Рада знакомству, мэм.

– Обнаружили что-нибудь?

– Почти ничего, к сожалению. – Ширли пожала плечами. – Комнату тщательно вымыли. Нашли несколько отпечатков и волосинок, обычное дело. Я передам их в лабораторию, там проанализируют и сообщат результат.

– Вы получили мое сообщение насчет дома Хью Данмана? – спросила Джаз.

– Да, сейчас направимся туда.

– Хорошо. – Джаз порылась в кармане, выудила ключ от входной двери и протянула его сержанту Роланду, который с несчастным видом маячил за спиной Ширли. – Роланд вас впустит. Я подъеду позже, если получится.

– После этого мне бы надо к стоматологу, мэм. Ужасно болит зуб.

– Попросите Ширли его выдернуть. Она наверняка мастер. – Джаз улыбнулась, однако Роланд не оценил юмора, глянул волком. – Что ж, встретимся уже во временном штабе.

– Да, мэм.

Джаз обернулась и увидела сестру-хозяйку. Поздоровалась:

– Доброе утро. Я пришла к Рори Миллару.

– Знаю, но сейчас не получится. Ночью ему было плохо, он только что уснул.

– Ясно. Что с ним такое?

– Расстройство желудка. Посмотрим, как Рори почувствует себя после сна. Если не лучше, переведу его в изолятор под наблюдение врача. Думаю, это все нервы. Бедный мальчик, последние месяцы ему несладко.

Джаз заметила, как потеплели глаза сестры-хозяйки, и изменила свое мнение о ней в лучшую сторону.

– Значит, увидаю Рори позже, если ему полегчает. Раз уж я здесь, вы не против поговорить?

– Нет, конечно. Можем воспользоваться гостиной мистера Фредерикса. Он на тренировке регбистов.

Джаз прошла за сестрой-хозяйкой.

– Прошу, – указала та на диван.

– Спасибо. – Джаз села, улыбнулась. – Я знаю, что сержант Майлз вчера с вами беседовал, и не стану повторяться. Хочу лишь узнать ваше мнение о Чарли, каким он был?

Сестра-хозяйка поджала губы:

– Действительно хотите знать?

– Да.

– Рассказ не из приятных, а ведь о мертвых не советуют отзываться плохо.

– Верно, но я буду благодарна вам за честность, если она поможет разгадать тайну последней ночи Чарли.

– Ну хорошо. – Ладони сестры-хозяйки, лежащие на коленях, сжались в кулаки. – Директору давным-давно следовало выгнать этого хулигана. Последний семестр Чарли получал бесконечные выговоры за поведение, да без толку. Такие, как он... Уж я бы нашла на них управу.

На бледных как мел щеках сестры-хозяйки вспыхнули розовые пятна.

– Поясните, – попросила Джаз.

– В каждой школе одно и то же: учителя не в силах контролировать определенную группировку, которая превращает жизнь других ребят в кошмар. Взрослые говорят, мол, все под контролем, но не желают знать, что творится за закрытыми дверями.

– Это возможно? Контролировать травлю?

– Конечно, возможно! Агрессоров надо тут же выгонять! Тогда наши более ранимые мальчики перестанут плакать в подушку по ночам. Поверьте, я их слышу.

– То есть, на ваш взгляд, и Фредерикс, и директор обходились с Чарли недостаточно строго?

– Не то слово! – Сестра-хозяйка фыркнула. – Фредерикс хороший воспитатель. Он радуется за мальчиков всей душой. Однако к Чарли относился необъективно. Спускал ему все с рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.